

Песчинки времени

(воспоминания)

Андрей Охоцимский

Чувствуя себя не в силах произвести нормальные хронологически построенные мемуары, начал писать отдельными очерками, выделяющими наиболее интересные эпизоды. Скорее всего, эти мемуары так и останутся набором очерков, объединяемых в тематические линии: Абрамцево, школа, семья, университет, политика, эмигрантская жизнь, и т.п. По Абрамцеву пока только два очерка, хотя есть еще о ком написать. По школам, надо еще осветить «вторую и единственную», а это довольно масштабное начинание. По семье, написать о бабушке, которая была моим личным связующим звеном со старой русской культурой. По политике – о социал-демократической партии и первых альтернативных выборах. Прошлое кажется ценным. Присутствие прошлого в себе хочется оформить и высказать, пока оно не стерлось и не растворилось в водах Леты.

Оглавление:

Академик И. М. Виноградов

Б. Н. Делоне, его внуки и Веничка Ерофеев

Начальная 638-ая школа, физкультурная

672-ая школа, она же 75-ая французская

Над Оттавой небо сине (воспоминания о Канаде, 1994-2002)

Академик И. М. Виноградов

Академик И.М. Виноградов, известный математик, был нашим соседом по даче в поселке АН СССР «Абрамцево». Нас разделял забор, через который я, будучи мальчишкой, с ним часто разговаривал. Я помню эти разговоры, начиная примерно с возраста 3-4 класса (это были 1966-1967 годы). Теперь, глядя в прошлое, я удивляюсь, почему он вообще со мной столько разговаривал. Тогда я считал себя важной персоной и исключительно образованным ребенком (мне всегда было свойственно зазнайство), и мне казалось нормальным, что академику есть о чем со мной поговорить. Собственно говоря, он был вероятно первым в моей жизни взрослым, который со мной разговаривал на равных и, как мне казалось, находил это для себя интересным. Только недавно я понял, что он был просто очень одинок.

Стиль его разговоров был весьма прост и скромен до грубоватости, начисто лишен демонстративности и желания покрасоваться. Он никогда не перебивал, не перескакивал с одной темы на другую, а добросовестно отвечал на заданный вопрос и поддерживал тему, начатую собеседником. Звучит просто, но это редкое качество, и беседовать с ним было всегда приятно.

Внешне он был неказист: маленького роста, толстый (тонкий ремешок все время перетягивал живот). Голова его была крупная, совершенно лысая, лицо круглое с маленькими глазками. Ходил он слегка ссутулившись. Говорят, что он обладал большой физической силой, но я этого не замечал.

Участок у него был более ухожен, чем наш, и его постоянно можно было увидеть в саду с тяпкой, совком или другими инструментами. Уход за цветами был также постоянной темой разговоров. Его домработница Матрена Гавриловна, неграмотная бабка, проживавшая в маленьком домике, высокомерно говорила моей бабушке: «Вот у нас это сад, а у тебя, Михайловна, так, одни дорожки». Моя бабушка также уделяла саду достаточно внимания и была несколько шокирована таким проявлением местного патриотизма Матрены Гавриловны. Её высказывание часто упоминалось при мне с назидательной целью, как пример того, как не надо высказываться в гостях.

Помню, что Иван Матвеевич хорошо просветил меня по поводу зарплаты моего отца. У нас в доме эта тема была запретной. Когда я его об этом спросил, он очень подробно объяснил все компоненты зарплаты (Институт, Университет, Академия), прикинул, сколько с этого платится налогов, партийных и профсоюзных взносов и сколько в

результате остается. Мой отец «раскололся» на эту тему, только когда я был уже студентом. Результат точно совпал с оценкой Ивана Матвеевича.

Другой темой через-заборных разговоров были грибники-туристы, которые иногда перелезали из леса через заборы наших участков и выходили таким образом на «большую дорогу». Наш поселок большой и круглый, и обходить его по лесу далеко. Ивана Матвеевича они необычайно раздражали, и он постоянно жаловался, что «туристы лазают». Под влиянием только что прочитанной книжки о первобытных людях и их методах охоты на мамонтов, я предложил ему выкопать большую яму-ловушку под тем местом забора, где перелезают туристы, и снабдить ее острыми кольями, вкопанными в дно. Яму, понятное дело, надо замаскировать ветками. Он несколько опешил и ничего не ответил. Потом, под впечатлением этого разговора, он сказал моему отцу: «Андрюшка хороший хозяин будет».

Когда я переходил из 4-го в 5-й класс, нам задали на лето задание, которое, в частности, включало набор текстовых задач. Их полагалось решать через последовательность вопросов (использовать «иксы» пока не разрешалось). Несколько задач в конце списка были отмечены звездочкой и были сложнее других. Отца в этот момент не было, и я пошел советоваться к Ивану Матвеевичу. Это был первый и последний раз, когда я был у него дома. Он отнесся к заданию с полной серьезностью (как он вообще относился ко всем моим вопросам), взял учебник с задачами и сказал, что должен подумать. Через некоторое время, наверное около часа, он позвал меня и сказал, что готов. Его вид выражал облегчение и удовлетворенность; казалось, он был доволен, что все решил. Каждая задача решалась через последовательность 4-5 вопросов, которые он аккуратным почерком выписал для меня в тетрадке. В учебнике, на той же странице, где и задачи, был помещен его собственный портрет, очевидно в более молодом возрасте. Помню, что этот портрет не вызывал ни у меня, ни у него никаких эмоций.

Чтобы отвозить его на работу, приезжал большой черный «ЗИМ», что всеми рассматривалось как показатель его положения в Академии. Впоследствии «ЗИМ» был заменен на черную «Волгу». Шофер отдыхал в маленьком домике в компании домработницы. Виноградов был, возможно, единственным в поселке, кто воплотил в реальность исходное назначение «маленького домика»: служить жилищем и местом отдыха прислуги и шофера. Кроме того, Иван Матвеевич был одним из немногих, или вообще единственным, кто имел настоящего цепного пса, большую сторожевую овчарку по кличке, если не ошибаюсь, Джек, который жил в конуре и добросовестно облаивал всех проходящих. Иногда его спускали с цепи, и он бегал по участку.

Иван Матвеевич любил поселок. Он вел весьма постоянный образ жизни, проводил здесь все выходные, праздники и отпуска и занимал в течение многих лет должность председателя поселкового правления. В отличие от других жителей поселка, Иван Матвеевич довольно редко гулял по «кругам», а если и гулял, то почти всегда один. Жены

и детей у него не было, он жил с сестрой Надеждой Матвеевной. Она была еще нелюдима его, и я ее вообще никогда не видел. Ирина Борисовна Стечкина вспоминает, что он иногда приглашал её с братом Сергеем, математиком, играть в винт, сложную карточную игру двое-на-двое, требующую хорошей памяти и умения следить за всеми картами. Иван Матвеевич играл профессионально, обычно в паре с Надеждой Матвеевной, которая могла поддерживать игру на том же уровне.

Однажды с Иваном Матвеевичем случился ужасный несчастный случай. Он возился с топором и, сняв его с топорища, положил на косой верх бокового столбика забора. Эти столбики стали в то время вкапывать сбоку от первоначальных столбов забора, которые за несколько десятилетий подгнили. Эти столбики вырубались из цельного ствола дерева и прикручивались к основному столбу толстой проволокой. Верх столбиков, который находился примерно на уровне пояса, стесывали наискосок, чтобы стекала дождевая вода. На этот скошенный верх он и положил топор без топорища, а сам стоял рядом. Топор соскользнул со столбика и упал углом лезвия прямо ему на ступню. У него началось сильное кровотечение, он упал рядом с забором и долго и безуспешно звал на помощь. Его спас академический шофер, который случайно именно в это время за ним приехал. Топор перерубил несколько костей ступни, так что он долго лежал в больнице.

Я запомнил его рассказ о происхождении своей фамилии. Он говорил, что его отец учился в семинарии (он был сельским священником). Выпускникам присваивали фамилии в зависимости от успеваемости. Лучшим давали фамилии по названиям церковных праздников, как-то: Крещенский, Вознесенский, Рождественский Преображенский, Успенский, Богоявленский, Сретенский, Введенский, Благовещенский, Воздвиженский. Те, кто учился хуже, получали менее торжественные фамилии. Помню, что были фамилии по названиям цветов: Гиацинтов, Розов. Фруктово-ягодная категория, к которой относилась и его фамилия, была самой низшей.

О политике и серьезных вещах он говорил редко. Помню только, что как-то раз, в связи с успехами проекта «Аполлон», он сказал, что это все потому, что Пеньковский продал американцам план, как надо лететь на Луну, который придумал Королев еще в 50-е годы. Это звучало для меня как откровение, потому что говорить открыто про Пеньковского стали гораздо позже. По убеждениям Иван Матвеевич был, в сегодняшних терминах, патриот-государственник. В партию он никогда не вступал. Среди старшего поколения академиков, к которому он принадлежал, это считалось не вполне приличным. Моя мать, Софья Александровна Охоцимская, вспоминает, что он как-то сказал ей про тогдашнего президента Академии Наук М. В. Келдыша: «Я его спрашиваю: Келдыш, зачем ты в партию вступил? А он мне: так надо, Иван Матвеевич, так надо ...» Потом он добавил: «Зато я свободен». Впрочем, М. В. Келдыша он считал своим учеником и гордился его успехами. Моя мать также вспоминает, что во время Пасхи он регулярно слушал передачу православной пасхальной службы по «Голосу Америки».

В коротком новогоднем напутствии молодежи, опубликованном в газете «Неделя» в конце 70-х, он желал молодежи успехов на службе Отечеству, не упоминая про партию или коммунизм. Я запомнил, что он употребил именно слово «Отечество» вместо более политкорректной в советское время «Родины». Мой отец, Дмитрий Евгеньевич Охоцимский, часто вспоминал, что сказал ему Иван Матвеевич в связи с получением им премии им. Чаплыгина, которой награждались молодые ученые за работы в области механики. Мой отец работал в отделе у М. В. Келдыша и занимался космонавтикой, однако сам отдел был административно подчинен Математическому Институту, которым руководил Иван Матвеевич. Он сказал ему примерно следующее: «Ты за званиями и премиями не гонись, давай работай, и все само придет». Отец очень любил эту простую мудрость, которая для него, очевидно, осуществилась на практике. Я также поначалу пытался рассматривать её как руководство к действию, однако постепенно до меня дошло, что в тогдашней «застойной» реальности эта формула вряд ли применима.

Б. Н. Делоне, его внуки и Веничка Ерофеев

Математик Борис Николаевич Делоне, член-корреспондент Академии Наук, жил неподалеку. Нас разделял только участок И. М. Виноградова. Дача Делоне была настолько густо заселена детьми, внуками, родственниками и знакомыми, что он сам, маленький седенький старичок, был там мало замечен. Казалось, что и дача не его, а ему там просто дают пожить. Он гулял по поселку быстрым туристическим шагом в совершенно вытертых ситцевых «пионерских» шароварах неопределенного серо-голубого оттенка, и ничто не предполагало в его внешности известного альпиниста, именем которого были названы горная вершина и перевал на Алтае.

Борис Николаевич приходил иногда к нам на дачу звонить по телефону в Москву и с удовольствием задерживался, чтобы рассказывать разные истории. Словоохотлив он был необыкновенно, и его монологи, как правило довольно интересные, могли продолжаться часами. От него я впервые узнал про И. Р. Шафаревича, который был его учеником. Он описывал Шафаревича как математика от Бога и вундеркинда – тот сдавал экзамены в Московском Университете экстерном, еще учась в школе. Он рассказывал, что перед войной совсем юный Шафаревич пришел к нему на мехмат и сказал, что хочет заниматься алгеброй (т.е. высшей алгеброй). Осенью 1941 года Борис Николаевич потратил немало сил, чтобы освободить 18-летнего Шафаревича от мобилизации на рытье противотанковых рвов на основании его исключительного таланта. Дальнейшая научная карьера Шафаревича проходила с таким же блеском и с опережением обычных сроков. О его более поздней публицистической деятельности Борис Николаевич отзывался, как о чем-то малосущественном, как будто сожалел, что он тратит на это свои силы.

Обитатели дачи Делоне настолько ассоциировались с его личностью, что мы порой коллективно называли их «Делоне» вне зависимости от их реальных фамилий. Лучший друг моего детства, его внук Сергей, не именовался иначе как «Сережка Делоне», хотя его настоящая фамилия была Шаров. Это был широкоплечий мускулистый красавец, одаривший своей дружбой меня, неуклюжего очкарика, пытавшегося скомпенсировать свою очевидную неполноценность обильным чтением и мечтами о великих подвигах. Читал он еще больше меня. Кроме того он прекрасно рисовал, играл на гитаре и даже писал песни «под Высоцкого», что возносило его в моем представлении на недостижимую высоту. Высоцкий вообще был его кумиром. От него я впервые услышал необычную по тем временам мысль, что Высоцкий – лучший поэт своего времени.

Другой внук Бориса Николаевича, Вадим Делоне, поэт и правозащитник, был членом «великолепной семерки», организовавшей в 1968 году символическую демонстрацию на

Красной площади против вторжения в Чехословакию. Вадима я впервые увидел в 1973 году после его освобождения из тюрьмы. На работу его не брали. Говорили, что он работал одно время осветителем в Театре на Таганке у Ю. П. Любимова. У Вадима было красивое волевое лицо. Он держался со значением, постоянно курил «Беломор» и иногда играл с нами в пинг-понг и настольный хоккей. Вадим жил на даче у деда вместе со своим младшим братом Михаилом, который был «просто» студентом мехмата. В 1975 году оба брата были лишены советского гражданства и получили политическое убежище во Франции. Борис Николаевич в связи с этой драматической историей вызывал в поселке всеобщее сочувствие.

Михаил был обладателем необыкновенной коллекции долгоиграющих пластинок, основного носителя доброкачественной музыки в ту эпоху. В его коллекции было несколько сотен дисков как современной, так и старинной музыки. Там были такие раритеты, как фламандская средневековая музыка, редкие собрания романсов и т.д. Комната Михаила, где, по-моему, ночевал и Сергей, напоминала по уровню комфорта медвежью берлогу, однако там стоял проигрыватель с высококачественной акустикой (по тогдашней терминологии «вертушка»), на котором можно было слушать эти сокровища. Как он мог собрать такую коллекцию при убогом выборе пластинок в открытой продаже, так и осталось для меня загадкой.

Меня, в то время старшеклассника, интересовало окружение Вадима, которое я представлял себе как профессиональных революционеров, людей мысли и действия, напряженно размышляющих о будущем страны, пишущих политические платформы и распространяющих подпольную литературу. Однако кружок молодых людей, который я однажды застал у Вадима, был скорее тусовкой молодых «хиппующих» нигилистов. В комнате было накурено, все пили водку и рассказывали вперемешку политические и прочие анекдоты. Густота табачного дыма соперничала с густотой анекдотного мата. Девушки в этой компании были в джинсах и с длинными распущенными волосами – так тогда полагалось – и выражались, пили и курили совершенно так же, как парни. Вся эта публика, само собой, была вполне интеллигентная. Вперемешку с анекдотами о Ленине Вадим еще говорил о нём что-то в издевательском тоне. Вадим, очевидно, был в этом театре солистом, остальные – подпевающим хором. Для Вадима все вопросы были решены, все мосты сожжены, все Рубиконы давно перейдены. Дискуссии или сомнения в его присутствии были неуместны.

Вспоминая этот вечер, я поражаюсь, насколько пророчески эта молодежь выразила некоторые черты будущей эпохи: как глумление над поверженными кумирами прошлого, так и открытое употребление мата в присутствии другого пола. Другой предтеча матерного века, писатель Венедикт Ерофеев («Веничка»), впервые сочетавший «истинный русский язык» с художественным словом, тоже довольно долго жил на даче Делоне. Он запомнился как эффектный, довольно красивый молодой человек с копной черных с проседью волос. В 1973 г. ему было 35 лет. На своего персонажа из поэмы «Москва-

Петушки», к тому времени уже написанной, он был похож очень мало. В отличие от большинства дачной публики, он выглядел как человек, следящий за своей внешностью. У него был умный и ясный, слегка высокомерный взгляд, в котором было нетрудно прочесть осознание своей особенности и какого-то связанного с этим груза. Говорил он на совершенно нормальном правильном языке. Никакого мата и вообще языка, присущего его персонажам, я от него не слышал. Однако склонность к сюрреализму, парадоксам и эпатажу чувствовалась в его анекдотах и рассказах, в целом относившихся к обычной диссидентской тематике того времени. В нем чувствовался непрерывный творческий процесс. Он как бы присутствовал и отсутствовал одновременно и говорил отчасти для собеседника, а отчасти продолжая какой-то бесконечный внутренний диалог с самим собой. В нем как будто все время варился и проговаривался материал его прозы, из которого выходила на бумагу только небольшая часть. Я думаю, что он написал так мало не от лени или пьянства, а от высокой требовательности к себе. Я знал его недостаточно, чтобы спорить с теми авторами, которые ставят пьянство в центр его образа жизни, но он в то время совершенно не выглядел алкоголиком, и пьяным я его тоже не видел ни разу. Он скорее казался представителем иного, более высокого мира. Он запомнился мне сидящим на пне перед домом в несколько напряженной позе, в красивом белом джинсовом костюме. Он сидел неподвижно с совершенно прямой спиной и смотрел в одну точку. Когда я прошел мимо, он посмотрел на меня очень серьезным и несколько недовольным взглядом, как на нарушителя своих размышлений.

Во всех этих обитателях дачи Делоне было что-то настоящее, какая-то сила и размах личности, что-то от героев Хемингуэя или Высоцкого. С ними хотелось пойти в разведку, но было здорово и просто сходить в лес за грибами или поговорить за чаем. Среди бесконечного разнообразия тем, которые тогда обсуждались, полностью отсутствовала только одна – деньги. Вообще отсутствие интереса к экономической теме сильно отличало тогдашнее диссидентство от революционеров прошлого. Никто в сущности не был против социализма как такового – хотелось свободы и правды и возможности быть несогласным. Идея раздавать огромные заводы и фабрики в частные руки нам бы не приснилась и в кошмарном сне.

Непрактичный Борис Николаевич всегда был арендатором своей дачи и, в отличие от большинства обитателей поселка, так и не стал её собственником. Эта была его позиция: он считал, что академические дачи должны принадлежать Академии. После его кончины в 1980 году все его семейство исчезло из поселка и из моей жизни навсегда.

ГЕНЕАЛОГИЯ ДЕЛОНЕ ПО МУЖСКОЙ ЛИНИИ

Pierre Charles Delaunay – врач в наполеоновской армии (по некоторым сведениям ирландец, первоначальное написание фамилии Deloney), попал в плен в 1812 г., принял российское подданство, женился на смоленской помещице Тухачевской.

Борис Петрович Делоне – военный врач, участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., был ранен. Был женат на графине Дмитриевой-Мамоновой.

Николай Борисович Делоне (1856-1931) – ученый в области теоретической и технической механики, ученик М. Е. Жуковского, автор книг и учебных пособий, один из первых планеристов Российской Империи.

Борис Николаевич Делоне (1890-1980) – математик и альпинист, чл.-корр. АН СССР, автор книги "Вершины Западного Кавказа".

Николай Борисович Делоне (1926-2008) – физик, доктор наук, автор трудов в области нелинейной оптики.

Вадим Николаевич Делоне (1947-1983) – поэт и правозащитник

Сергей Александрович Шаров-Делоне (внук Бориса Николаевича, род. 1956) – архитектор и реставратор, автор книги «Люди и камни Северо-Восточной Руси, XII век», участник правозащитного движения.

Начальная 638-ая школа, физкультурная

В первый раз во второй класс

Из-за сильного заикания меня не отдавали в первый класс, и в детский сад моя нога также не ступала. Зиму первого класса я провел на даче в Абрамцево, занимаясь по программе с бабушкой. Бабушка относилась к советской школе с высокомерным пренебрежением и, по-моему, собиралась и дальше учить меня дома. Но родители в конце концов проявили решимость и отдали меня в ближайшую школу, расположенную на улице Губкина. Чтобы попасть во второй класс, потребовалось пройти небольшой экзамен по письму, чтению и арифметике.

Первого сентября 1965г., вооруженный букетом гладиолусов в собственный рост и не ожидая от будущего ничего хорошего, я отправился в школу. Говорят, что я сказал: «и так до пенсии», но я этого не помню. Шок этого ужасного дня запомнился надолго. Никогда не покидавший дома и всегда бывший под опекой бабушки или мамы, я вдруг был выброшен во внешнюю среду, которую совсем не знал. Мир книг, мыслей и воображения был, и в известной мере, так и остался для меня более важным и истинным, чем реальный мир, в который меня вдруг швырнули, как щенка в холодную воду. Меня даже не предупредили о существовании двух видов туалетов, и я начал свой школьный день посещением неправильного заведения, чем вызвал насмешки одноклассников.

Вооруженный книжными представлениями о добре и зле, я оказался среди закаленных ветеранов, прошедших горнило детских садов и ясель. Они не читали Фенимора Купера, зато умели бить в поддых и делать подножку. Зимой они сопровождали меня до дома и с мерзким хихиканием наступали сзади на мои калоши, которые их очень веселили. Калоши в то время вышли из употребления у молодежи и вызывали смех, хотя еще продавались в магазинах, и отец и дед их носили. В теплое время года выяснение отношений происходило на стройплощадке, где песок смягчал падения¹.

¹Речь идет о строительстве 16-этажного дома по адресу ул. Вавилова дом 44 корпус 3, который достроился в течение большей части моих школьных лет.

Наручные часы и японская ручка

Через месяц после начала школы наступил день рождения, и я получил на восьмилетие наручные часы. Нужны они мне были или нет, и чего мне хотелось на самом деле (машинку с педалями), никого, конечно, не интересовало. Я смотрел на эти часы с грустью. Часов в классе ни у кого не было, и бить очкарика с часами было, очевидно, еще слаще ... Часы, однако, были прекрасные. Они пережили все драки и падения и служили мне много лет.

Другим ценным подарком была чернильная ручка, привезенная отцом из Японии, куда он ездил на космическую конференцию. Следует понимать, насколько важным предметом для школьника была чернильная ручка. Во втором классе мы еще писали открытыми железными перьями, которые макали в чернильницы, встроенные в парты. Эта технология, нелегкая и для взрослого, обрекала не слишком аккуратного восьмилетнего ребенка на стрессы, кляксы, замечания и грязные пальцы. Требовалось филигранное искусство владения промокашкой (которая тогда прилагалась к любой тетради), ювелирная точность нажатия на перо и хорошее знание свойств разных видов бумаги. В третьем классе уже полагалось иметь свою перьевую ручку. Однако отечественные ручки были плохого качества. Чернила на кончике пера застывали и переставали поступать; перо начинало царапать по бумаге всухую. Тогда свинчивали заднюю крышку и слегка подкручивали поршень, подталкивая чернила к перу. На кончике пера выступала капля чернил, которую надо было сбросить на подготовленную промокашку. Перо увлажнялось, и ручка начинала писать. Имелись в продаже и дорогие ручки с золотым пером, которые школьникам, конечно, не покупали. Важной принадлежностью любой перьевой ручки был колпачок. Его надо было беречь как зеницу ока, так как без него ручка теряла смысл. Для ношения ручки мамой был пошит специальный узкий чехольчик, прикрепляемый к внутреннему карману школьного пиджака: если ручка выпадала из колпачка, она оставалась в чехольчике и не могла испачкать пиджак чернилами.

Японская ручка имела скромный вид и безотказно выводила ровные и тонкие линии. Писать такой ручкой было, конечно, большим облегчением. На кончике пера у неё был наплавленный шарик, который примерно через год отлетел, так что пришлось вернуться к репертуару магазина канцтоваров, благо что он находился в соседнем подъезде.

В этот же период стали появляться шариковые ручки. Отец привозил из-за границы красивые ручки «Паркер», с которыми обращались как с драгоценностью. Теперешнее отношение к ручкам как к обезличенному расходному материалу развилось гораздо позднее в связи с их удешевлением. Первые советские шариковые ручки пошли из Прибалтики. Я их прекрасно запомнил и хотел бы указать фото, но все, что удалось обнаружить в Интернете, представляет более поздние образцы. В школе к шариковым

ручкам относились как к орудию дьявола (видимо, считалось, что они портят почерк). Пришедши как-то на урок с прибалтийской ручкой, я был изгнан из класса и отправлен домой с замечанием в дневнике. Когда их стали разрешать, я точно не помню, но в старших классах они уже были у всех.

Страна Пионерия

Вспоминая наше идейное воспитание, я думаю, что его следует разделить на два направления: воспитание советского патриотизма и привитие собственно коммунистической идеологии. Вторая компонента была очень слаба и в начальной школе почти отсутствовала. Не помню никаких попыток излагать коммунистические доктрины на детском уровне. Реальная накачка официальной идеологией началась в университете.²

Советский патриотизм на уроках явным образом также не внушался и специально не обсуждался, но как бы подразумевался как часть взрослого мира. В каждом классе функционировал пионерский отряд, куда входили все, кроме самых отпетых второгодников. Наш отряд назывался «имени 28-ми панфиловцев» и имел в качестве гимна соответствующую песню. Пионерская деятельность была поставлена вполне формально, и никаких костров и походов я не помню вообще. Зато хорошо помню пионерские линейки – род военизированных смотров-парадов. Отряды выстраивались стройными рядами в физкультурном зале. Командиры рапортовали о готовности, отряды проходили маршем, руки взлетали в пионерском приветствии. Для этих событий девочкам полагалось иметь пионерскую форму, отличную от обычной школьной: белые блузки с синей юбкой. Мальчики приходили в повседневных серых костюмах, но в белых рубашках. И, конечно, с пионерским красным галстуком. Носить пионерский галстук мне нравилось – видимо потому, что я вообще люблю галстуки и сожалею, что они постепенно выходят из употребления³. Явиться в школу без галстука или не в школьной форме было немыслимо – таких случаев я вообще не помню.

В нашем доме была районная детская библиотека, в который я был постоянным клиентом. Детские книги советских авторов четко контролировались, и читающий ребенок неизбежно получал приличную порцию идейных клише, растворенных, впрочем, во

² В ВУЗах каждый год полагалось иметь один идеологический предмет. Помню, что в МГУ мы изучали первые 2 курса историю КПСС, затем марксистскую политэкономию, диалектический материализм и научный коммунизм. В аспирантуре была марксистско-ленинская философия. В школе ничего этого не было, хотя марксистский подход не слишком навязчиво присутствовал на уроках истории и литературы. В 10-м классе было обществоведение. Помню, что в каком-то среднем классе требовалось прочитать Коммунистический манифест, который больше всего поразил меня своей оторванностью от наших реалий.

³ У деда, Евгения Павловича Охочимского, был домашний галстук, который носился с дневной пижамой. Выйти из дома без галстука он мог только на даче.

вполне качественном в целом литературном материале. Некоторые исторические романы раскрывали любопытные аспекты истории, которые замалчиваются сейчас. Хорошо помню книжку о веселых и добрых скоморохах в древней Руси, которых преследовали злобные православные церковники при поддержке княжеских держиморд. Книжка кончалась расправой над скоморохами и публичным сжиганием их гуслей на костре⁴. Сейчас этого автора, наверное, привлекли бы за оскорбление чувств верующих ... Впрочем тема книг и чтения заслуживает отдельного очерка.

Мой идейный облик формировался не столько в школе, сколько под влиянием детских книг и периодической прессы, как взрослой, так и детской. Я регулярно просматривал журнал «Огонек» и газеты. У меня был специальный альбом, куда я наклеивал фотографии и сообщения, связанные с полетами в космос. Так как космические полеты были секретной тематикой, информации о них, помимо сообщений ТАСС, было немного. В сравнении с теперешним «взрывом» мемуаров на космические темы, мы почти ничего не знали.

Обилие чисто детских газет и журналов было удивительным. Мне выписывали «Пионерскую правду» и журнал «Пионер», в котором публиковались, в числе прочего, вполне достойные исторические романы Лидии Воронковой на темы античного мира. Помню, что в «Пионерской правде» публиковался поразительный фантастический роман, в котором пленный советский офицер, использовавшийся гитлеровцами для экспериментов с антигравитацией, получил способность летать и превратился в ночного Бэтмена-мстителя... Глядя в прошлое, ясно видно, что военные темы образуют четко очерченный идейно-независимый стержень нашего патриотического воспитания и вообще национального духа. Впрочем, также хорошо я помню безногих ветеранов на улицах, катающихся на самодельных досках, поставленных на маленькие колесики на шарикоподшипниках. Их бедность и заброшенность бросались в глаза, и их было очень жалко. С течением времени они постепенно исчезли, освободив дорогу чисто кинематографическим образам войны.

Учительница и ученики

Нашу учительницу звали Клавдия Федоровна. Она больше всего запомнилась мне ужасным хамством, которым я проявил свое гнусное зазнайство в первый же школьный месяц. На уроке читали рассказ эстонского автора, в котором фигурировал мальчик по имени Вильям. В это время я начал заниматься дома английским, и мне резануло ухо, что

⁴ Намного позже режиссер А. Тарковский сделал тему преследования скоморохов одной из центральных в знаменитом фильме «Андрей Рублев».

учительница произносила это имя с ударением на втором слоге. Мне стало жалко её «серости», и я решил, вежливо подняв руку, её поправить, объяснив, что в имени «Вильям» ударение ставится на первом слоге. Бедная Клавдия Федоровна настолько обалдела, что вообще никак не отреагировала. Я почувствовал, что сморозил что-то не то и быстро заткнулся, так что все это проскочило, как будто ничего и не было.

Вообще наш класс был характерен чисто советской смесью детей совершенно разных социальных групп. Помню еще одного «академического» ребенка, Мишу Глазова, который работает сейчас в США⁵. Вместе с тем присутствовали дети из барака, который располагался в то время во дворе и уже давно снесен и забыт. Однажды я в него зашел и был потрясен невероятным контрастом барачного быта с уровнем комфорта обычных квартир. Там жили те, которых москвичи презрительно называли «лимита» (теперь эта социальная ниша заполнена мигрантами из Средней Азии). Барачные дети отличались от московских почти так же резко, как отличаются друг от друга расы или нации; по мере взросления они почти однозначно переходили в категорию «шпаны», терроризируя «приличных» детей.

На уроках мальчиков принудительно рассаживали с девочками. Моя постоянная соседка Оля Хрущева была настолько идеальна во всех своих проявлениях, что казалась неземным существом, олимпийской богиней чистоты и аккуратности. Возможно, именно благодаря ей я с ранних лет стал видеть в женщине не столько человеческое существо, сколько стихию особого порядка. Похоже, что имя «Ольга» ассоциируется у меня с высшими уровнями этой стихии и всю жизнь обладает надо мной особенной властью в хорошем соответствии с духом мистической «именологии» Павла Флоренского.

Физкульт-привет!

638-ая школа не была в прямом смысле спортивной, но имела физкультурный «уклон». Прекрасно организованные уроки физкультуры были для меня пыткой, так как я был настолько неловок, что не мог даже перекувырнуться. Спасало то, что я часто болел. Во втором классе я переживал ту стадию привыкания к микробам и вирусам, которую большинство детей проходят в ясельном возрасте. Врача вызывали на дом. Приходил замотанный участковый врач и без долгих разговоров выдавал справку на неделю или две. Маме также давали на это время освобождение от работы «по уходу за ребенком». После каждого гриппа автоматически выдавалась отдельная справка об освобождении от

⁵ Мишу можно найти на Интернетe на Michael V. Glazoff. У него много публикаций по химической технологии.

физкультуры еще на 2 недели. Предъявив её физкультурнику, я радостно садился на скамейку запасных и пересиживал урок без потерь для самолюбия.

Уроки физкультуры были военизированы. Класс строился. Назначенный командир класса подавал команду «Равняйся! Смирно!», затем маршировал к учителю и рапортовал о готовности. Учитель приветствовал класс, и класс хором отвечал «физкульт-привет!» Помимо полноценно оборудованного гимнастического зала, в школе была еще и хорошо оснащенная лаборатория, в которой детей периодически обследовали, измеряя силу и скорость реакции. Несмотря на все эти достоинства, профиль школы не вязался с моими данными, и после 4-го класса родители перевели меня во «французскую» школу №672, располагавшуюся за универмагом «Москва». О ней пойдет речь в следующем очерке.

Последние дни в физкультурной школе были отмечены необычным воспоминанием. В конце мая я увидел в школьном дворе двух ладных гигантов-старшеклассников, которые с удовольствием боксировали, играя мускулатурой красивых обнаженных торсов. Они были невероятно классичны и теперь сливаются в моем представлении с греческими скульптурами или изображениями атлетов на керамике. Это видение бокса, как высокой мужской игры, настолько запало мне в душу, что уже в 50-летнем возрасте я стал неизвестно зачем заниматься кун-фу и оставил это занятие, лишь получив как следует пару раз «по мозгам». Бокс приоткрыл мне дверь в мир прямого телесного контакта, где твоя судьба решается не думаньем, а быстрыми точными движениями и мгновенной реакцией. Я увидел иное измерение жизни, резко отличное от скучного мира повседневности (дом-работа-магазин), в котором людей нельзя не только бить, но и даже трогать, где все проблемы решаются говорильней, и вообще непонятно как реализовать свою мужскую природу.

672-ая школа, она же 75-ая французская

Почему меня перевели, начиная с 5-го класса, именно во французскую школу, я до сих пор точно не знаю. За универмагом «Москва» симметрично располагались в вершинах прямоугольника четыре школы: английская, французская, обычная и математическая №2. Как будет ясно из дальнейшего, мой главный жизненный путь пролегал через школу №2. Французская школа оказалась на этом пути лишь кратковременной двухгодичной остановкой.

Ходить в эту школу было дальше, чем в 638-ую. Надо было переходить широченный Ленинский проспект, по которому с ревом и свистом носились автомобили, пусть не в том количестве, как теперь, но с не меньшими скоростями. Кратчайший путь в школу пролегал через пешеходный переход «зебра», на котором машины в то время даже не замедляли ход. Более дальний, но безопасный путь проходил через подземный переход у универмага «Москва».

Отдавать детей в языковые школы было тогда, как и сейчас, признаком хорошего тона. Французская школа была выбрана, видимо, потому, что английским я уже 3 года занимался дома. Впрочем, эта школа превратилась во французскую лишь в год моего перехода⁶. При мне сменили табличку «Директор» на «Directeur», а на буфете появилась надпись «Cantine». Французский начинали со 2-го класса, и количество языковых уроков было больше обычного. В процессе преобразования школы из обычной во французскую предполагался длительный переходный период, в течение которого старшие классы доучивались по-старому. С нами же было решено начать французский по программе обычной школы, в которой иностранный язык начинался в 5-м классе. В советских школах не было обязательной привязки к английскому, и существовали редко используемые альтернативные наборы учебников по французскому и немецкому. Напомню, что в середине столетия основным школьным иностранным языком был немецкий.

Вообще, степень унификации школьных программ в СССР была поразительной. Все школьники огромной страны, от Камчатки на востоке до Бреста на западе и от киргизских пустынь на юге до арктической тундры на севере, открывали в один и тот же день одни и те же учебники на одной и той же странице. Это было удобно как для школ, так и для школьников, а также гарантировало определенный уровень обучения независимо от педагогических талантов преподавателей. Каждый год в июне я заходил в книжный

⁶ Школа сменила номер с «672й общеобразовательной» на «75ю с углубленным изучением французского» в 1969 г. В настоящее время школа остается французской, но её номер сменился на 1265, см. [сайт школы](#).

магазин и приобретал в отделе «учебная литература» полный комплект стандартных учебников на будущий год вместе с набором атласов и контурных карт. Цены на учебники были копеечные.

Предметы и кабинеты

Если в начальной школе я сидел, как в тюрьме, 3 года на одной и той же парте в одном и том же классе, с тупой покорностью уставившись на одну и ту же поднадоевшую «училку», то с 5-го класса жизнь стала разнообразнее и даже в чем-то свободнее. Каждый предмет преподавался в своем кабинете, между которыми мы постоянно перемещались. Богато оборудованные и завешанные плакатами и картами кабинеты производили сильное впечатление, особенно кабинет биологии со скелетами и чучелами. Учителя теперь были специалистами. В этом качестве они вызывали уважение и заражали своим искренним энтузиазмом к предмету. Все они были дамы, кроме историка. Историк показывал диафильмы. В полуподвале был класс, оборудованный шторами. Там стоял диапроектор, и мы, с удовольствием погружаясь в темноту, созерцали на полотняном экране цветные картинки, изображавшие строительство египетских пирамид или морские бои греков с персами.

Возникла свобода в выборе места и соседа. Можно было даже сидеть на разных местах в разных кабинетах и разнообразить жизнь, меняясь местами и соседями. Теперь мальчики сидели с мальчиками, а девочки – с девочками. В этой новой жизни сосед был важным элементом классного бытия. Хороший сосед мог что-то тихо подсказать, одолжить ластик, а то и карандаш, и не залезал локтем на чужую половину стола. Классические деревянные парты с откидным наклонным верхом остались в начальной школе. Теперь мы сидели по двое за простыми столами на фанерных стульях с трубчатыми железными ножками.

Появились и новые обязанности. В связи с тем, что на всю школу была одна уборщица, мы должны были по очереди (парами) мыть свой кабинет (т.е. кабинет нашей классной руководительницы, математички). Это называлось «дежурство». Надо было придти после уроков, поставить стулья на столы ножками вверх, принести ведро воды, вымыть пол шваброй, аккуратно вытереть классную доску и прополоскать используемые для этого тряпки. Доски были двух видов: классические, покрытые черной клеенкой, и новые, из буро-зеленого стекла, издающие при писании мелом неприятный скрежет. Дежурный также выполнял мелкие поручения, например бегал в учительскую за мелом.

В начальной школе моя успеваемость была не блестящей, и я стал «хорошистом» лишь в четвертом классе. С тех пор доля пятерок в дневнике медленно, но неуклонно росла, достигнув максимума в выпускном классе. Исключение составляла физкультура, по

которой мне великодушно ставили тройку, и столь же великодушно игнорировали её в общем зачете. Свобода в выборе места в классе оказалась полезной, так как теперь я стал всегда садиться на втором-третьем ряду, с которого плакаты и написанное на доске были хорошо видны. В соответствии с принципами советской офтальмологии, очки мне выписывали «с отставанием», чтобы близорукость прогрессировала медленнее. Поэтому в начальной школе, где меня посадили в середине класса, я не всегда мог разобрать текст на доске. Теперь эта проблема была решена. Вообще, я становился с возрастом более внимательным и медленно, но верно адаптировался к школьной системе. Однако, ощущение отсиживания и отбывания срока все равно оставались и, покидая школьное здание после положенных пяти-шести уроков, я смотрел на широкое небо над головой и вздыхал с облегчением.

Страна уже перешла на пятидневную неделю, но это не относилось к учебным заведениям. В субботу учились так же, как и в рабочие дни. К школе относились всерьез и с почтением, и никому и в голову не могло придти уехать в субботу на дачу только потому, что родители уже свободны. Кроме того, отец продолжал ходить на работу по субботам еще много лет после введения пятидневки.

Готовимся к труду и обороне

Уроки физкультуры в теплое время года проходили на стадионе Дворца Пионеров, где можно было бегать настоящие стометровки на гравийной дорожке и прыгать во взрослую яму для прыжков. По всем видам легкой атлетики существовала четкая система нормативов, которая увенчивалась в выпускном классе длинным списком обязательных для всех норм ГТО⁷. Зимой территория Дворца Пионеров использовалась для лыжных уроков, единственного спорта, в котором я был конкурентоспособен благодаря дачному опыту. Дворец Пионеров был огромен. Он был задуман с размахом, превышавшим реальную потребность: там было невероятное количество разных кружков, и все равно он казался почти пустым. По дорожкам иногда проезжали учащиеся автошколы на «Москвичах» с двойным управлением (в СССР можно было получить в 16 лет т.наз. юношеские права). Вся эта территория была огромным пустырем, поросшим кустами, в которых прятались соловьи-разбойники среднего школьного возраста, собиравшие дань с путников. Одиноким школьником, мирно следующий на кружок рисования, вполне мог столкнуться с группой серьезно настроенных подростков, преграждавших ему дорогу с

⁷ ГТО = Готов к Труд и Обороне. Сдавшие эти нормы получали значок, увековеченный в поэме Михалкова «Дядя Степа». Главный герой, спасший ребенка из горящего здания, скромно удаляется, и про него говорят: «знак ГТО на груди у него, больше не знают о нём ничего». Профессора иронизировали по поводу студентов, которых принимали в ВУЗы за спортивные достижения: «знак ГТО на груди у него, больше не знает он ничего».

категорическим требованием: «Дай 10 копеек!⁸». Для таких случаев рекомендовалось иметь с собой адекватное количество мелочи во избежание осложнений.

Труд был чисто советским предметом, который в наше время заменен на международно-стандартную «ориентацию в мире». В СССР предполагалось, что ориентацию в мире задает родная партия, а каждый выпускник школы должен владеть напильником, пилой и молотком. Для занятий трудом было даже построено отдельное здание, которое использовалось всеми соседними школами. Любопытно, что труд был единственным предметом, где мальчики и девочки занимались совершенно отдельно друг от друга. Даже на физкультуре, несмотря на различие требований и нормативов, мы почти всегда были вместе или рядом. Здесь же девочек учили шить или готовить, причем нас иногда приглашали на дегустацию. Что касается «мужского» труда, то, невзирая на прекрасное оборудование, от него не было большого толка из-за частой смены и постоянной бестолковости преподавателей. Учителя труда были не нормальные дипломированные педагоги, а отставные пролетарии, видимо уволенные за пьянство. Запомнился один колоритный мужик. Он был красив, ходил в хорошем сером костюме с галстуком и внешне напоминал популярного тогда артиста Олялина. При этом он качался на ходу и был явно не способен к отправлению педагогических функций, предоставляя изготовление табуретов нашему собственному воображению. Когда мой одноклассник Боря Михайлов у него что-то спросил, он был послан на три буквы... Это был первый и последний эпизод в моей школьной жизни, когда учитель вел себя подобным образом.

В шестом классе у нас ввели начальную военную подготовку (НВП). В противоположность ожидаемому от армии духу унификации и порядка, НВП была вовсе не стандартизована. Все зависело от вкусов, фантазии и связей военрука. Нам повезло: в конце мая нас повезли в подмосковную саперную часть, накормили в солдатской столовой и отвели на полигон стрелять из автомата Калашникова. На полигоне нас построили, и офицер медленно пошел вдоль строя, всматриваясь в лица. Вдруг он поманил меня пальцем. Меня усадили перед открытым цинком с патронами и велели набивать магазины для всей группы (по 10 патронов). Потом, в качестве вознаграждения, офицер загнал в мой магазин еще 4 патрона. Стреляли мы на настоящем полигоне с земляной стенкой в бумажные мишени с расстояния 100 метров. До сих остались в памяти легкость и непринужденность стрельбы из АК. Предохранитель было велено перевести вниз на одну позицию для стрельбы одиночными, но один балбес все же перевел на 2 щелчка, раздалась очередь, и его сразу удалили. Впоследствии я долго мучился вопросом, почему для снаряжения магазинов выбрали именно меня? Уже будучи взрослым, я наконец понял, что офицер просто прочитал в моих глазах, что мне не придет в голову воровать патроны.

⁸ За 10 копеек можно было съесть самое дешевое молочное мороженое, сходить в кино на утренний сеанс, 2 раза проехать на автобусе или метро, или выпить 3 стакана газировки с сиропом.

Друзья и враги

В новой школе у меня как-то сразу установились в классе спокойные нормальные отношения, и даже свои второгодники меня особо не задевали. На этом фоне болезненно воспринималось насилие старшеклассников. В отличие от взрослой дедовщины (в тюрьмах или в армии) здесь речь не шла о какой-то системе взаимоотношений, унижительной ритуальности или иерархии послушания. Били просто для удовольствия. Уверенные в своей безнаказанности и праве сильного, юные садисты подлавливали младших в темном углу или в туалете и били куда им нравилось, часто в живот или в пах. В силу разницы весовых категорий, сопротивление могло лишь ухудшить участь жертвы. Конечно, этим занимались немногие старшеклассники, но остальные лишь крайне редко пытались их образумить. Ни о каком организованном сопротивлении или заступничестве речи не было: каждый был за себя. Дружба с одноклассниками сводилась к совместному времяпровождению и самопожертвований не предусматривала. Красивый принцип «один за всех, а все за одного» не работал.

Запомнился один эпизод, уникальный тем, что завершился заслуженным возмездием. Как-то зимой после школы я шел сзади школьного здания по тротуару, покрытому толстым слоем льда⁹. Вдруг из-за угла показался сын нашей классной руководительницы, строгой и справедливой математички. Хулиганистый веснушчатый недоросль шел с приятелем, которому он с гордостью демонстрировал свои новые перчатки из кожезаменителя. Видимо желая показать их в действии, он походя съездил меня по физиономии, и я кувырнулся спиной на лед, как оловянный солдатик. В этот самый момент из-за угла показалась мать, и его лицо перекошилось от ужаса. Я быстро ретировался, с удовлетворением улавливая знакомый голос математички, которая никогда не кричала, но умела наводить страх «металлической» интонацией.

Туалет был жутким местом. На переменах его заполняли курящие старшеклассники. Толчки были заполнены плавающими окурками и часто оказывались засорены. Об индивидуальных кабинках и деревянных сиденьях не было и речи, и закаленные советские школьники садились «орлом»¹⁰ у всех на виду. Домашним детям вроде меня мамы

⁹ Уборка снега и льда в Москве была на порядок хуже современной. Встречались места, где лед скалывался один-два раза за зиму, и ходить надо было с большой осторожностью.

¹⁰ По этому поводу был замечательный стих, который я узнал уже в университете: *«Как горный орёл на вершине Кавказа// сижу я один на краю унитаза.// И зорко гляжу я на белое дно,// как бурной струёю*

выдавали куски газеты для подкладывания под изнеженные бедра. Туалетная бумага вообще была в дефиците, и в общественных туалетах отсутствовали даже приспособления для навешивания рулонов. В основном пользовались бумажными квадратиками, нарезанными из газет¹¹. Такие квадратики я постоянно имел в заднем кармане брюк. Понятно, что школьного туалета я боялся как огня и предпочитал терпеть до дома¹².

Главным позитивным моментом в новой школе было то, что у меня появился друг, Андрей Языджи¹³. Вдруг появился собеседник, с которым можно было обсудить реально важные вещи, такие как эпизоды Троянской войны или подвиги персидского царя Кира. Андрей был прирожденным отличником и, помимо общей начитанности, успевал следить за всеми уроками и все делал с самой искренней добросовестностью. Как-то на уроке рисования надо было что-то изобразить к 7 ноября (День Октябрьской Революции). Андрей великолепно нарисовал крупным планом Ленина, выступающего с броневика. Этот рисунок акварелью был настолько качественнее того, что у нас вообще рисовалось, что он до сих пор стоит у меня перед глазами. Учительница рисования не знала, что делать – она не предупредила нас, что пытаться рисовать Ленина нам не полагалось. Она была в очевидном затруднении и, поколебавшись, поставила Андрею «4», хотя рисунок по качеству тянул на «5+».

Андрей был красив лицом и фигурой и физически развит. На физкультуре он был также совершенен, как и на остальных уроках. Единственной его проблемой было, похоже, само это совершенство, к сокрытию которого под личиной ложной скромности он не прилагал достаточных усилий. В классе возникла группа активистов, желающих поставить его на место. Какие методы при этом использовались, догадаться нетрудно. Однако Андрей не был легкой добычей. Его отец, уже пенсионер, жил жизнью сына и был активен в родительском комитете. Он не собирался сдаваться без боя и отдавать единственного сына на растерзание. Нашей классной даме пришлось созвать собрание. С присущей ей прямоотой, она поставила вопрос ребром: «За что бьёте Языджи?» Обвиняемые не выказали ни малейшего раскаяния и выкатили в ответ телегу жалоб на Андрея: он высокомерен, он зазнайка, он даже «портит Охотимского». Нравственный авторитет учителей в советской школе был невысок¹⁴: несмотря на явное требование учителя, мир не наступил, и Андрею пришлось перейти в параллельный класс.

смывает г...но». Уровень комфорта в остальных публичных туалетах был примерно тем же, разве что в некоторых местах все же были закрывающиеся кабинки или хотя бы перегородки.

¹¹ Это называлось «использовать газету по назначению».

¹² В начальной школе с этим было лучше, так как начальные классы занимали целиком второй этаж; старшеклассники учились на других этажах и этим были от нас отделены.

¹³ Андрей стал известным кинооператором, у него есть свой [сайт](#).

¹⁴ Советская школа только учила, а воспитывали дом и улица. Почему? Хотя бы отчасти в этом повинно материалистическое мировоззрение, отталкивающее всякую мысль об абсолютных нравственных императивах. Материалисты считают, что человека формирует социальное окружение, вот оно и

На тему хулиганства вспоминается один поразительный эпизод. Класс толпился в закутке на 5-м этаже перед кабинетом биологии в ожидании урока. Девчонки шушукались в углу, лицом друг к другу, выставив наружу косы с белыми бантами. Особенно роскошная коса была у Иры Прытковой, красивой девочки с рано развившимися формами. Вдруг какой-то тип из другого класса с наглой ухмылкой поднес горящую спичку к хвостику её косы. Коса моментально вспыхнула, образовав факел почти до потолка. Подруги Иры, проявив расторопность, граничащую с героизмом, мгновенно придавили пламя тем, что попало под руку. Резко запахло палёной курицей. Ира заплакала, а одна из девчонок отвесила поджигателю затрещину. Этим он и отделался¹⁵. Никто никому не жаловался, а Ира пришла на другой день уже без косы.

Проблемы со школьным насилием, по крайней мере для нас с Андреем, были решены лишь с переходом в математическую школу. Весной 6-го класса он как-то подошел ко мне в раздевалке и с заговорщическим видом объявил, что сейчас математика «решает всё». Математика - это круто. Так думает его папа, и поэтому он переходит в соседнюю математическую школу. Так как там надо сдавать вступительный тест, он ходит туда на подготовительные курсы. Он вдохновил меня к нему присоединиться, и так началась та новая жизнь, о которой расскажет один из следующих очерков.

формировало. И все же полная отъединенность детского сообщества от педагогов, отсутствие объединяющего, семейного начала в школе кажется мне сейчас противоестественным и печальным.

¹⁵ Для сопоставления приведу эпизод, происшедший недавно в бельгийской школе: мальчик зажег небольшую тряпку и кинул её во дворе на асфальт. Он был немедленно отстранен от занятий и возвращен лишь после недельного обивания порогов, причем на условиях «последнего предупреждения». В случае поджога живого человека он бы кончил судом для малолетних и психиатрической экспертизой.

Над Оттавой небо сине

воспоминания о Канаде (1994-2002)

*Хорошие люди родину не покидают
И. Оглоблин*

*Над Канадой небо сине,
Так похоже на Россию,
Слава Богу, не Россия!*

Этот гадкий стишок правдив лишь отчасти. Небо над Канадой действительно синее, но как раз этим-то она на Россию и не похожа. Российское небо не синее, а голубое, и по нему плывут-летят белыми лебедями кучерявые облака. Типичное же канадское небо – это полусфера чистого синего цвета, на которой не видно ни единого облачка и с утра до вечера неотвратимо сияет огромное яркое солнце. Это небо наводило на мысли о Луне, Марсе и прочих иных мирах, а также о том, что раз это Новый Свет, то все и должно быть иначе.

Оттава расположена на широте Крыма, но климат там резко континентальный. Летние дни заполнены слепящим сиянием и палящим зноем. Темные очки и шапка с козырьком не просто так составляют часть североамериканского имиджа. А зимой средняя температура около -15, бывает и -30. Но небо такое же синее, и солнце столь же яркое. Под его лучами снег подтаивает, и звенит капель, повисая с крыш длинными сосульками. По ночам он подмерзает, образуя твердый наст. Поэтому снег почти никогда не бывает пушистым и мягким. Зимняя норма снегопада – 1.5 м, а зимой 1998/1999 выпало около 3м. Сорокалетний, я забрасывал свежавыпавший снег перед домом на уровень второго этажа, радуясь возможности «раззудить плечо». Зимой 2007/2008 снега выпало аж 4.3 м, но я был уже в Бельгии. Однако, начнем с начала...

Апрель 1994: из Японии в Оттаву, женщина-шериф, гостиница-тюрьма

Авиарейс из Токио в Оттаву включал две пересадки. Перелетев Тихий океан, наш Боинг приземлился в Портленде. Здесь предстояло пересесть на внутренний американский рейс в Чикаго. Однако, авиакомпания Дельта не напомнила нам об американских визах. После паспортного контроля мы сразу оказались в полицейском участке как нарушители границы. Нашими российскими паспортами завладела толстая блондинка, живо напомнившая о школьном анекдоте про Тургенева, который так и не смог объять русскую женщину во всей её полноте. Но нам было не до шуток. Мы возмущались, недоумевали и просились в Канаду. За дверью полицейского участка вытянулся поезд из шести тележек нашего багажа – разрешенный максимум для трансокеанских перелетов. Шарообразный стан блондинки плотно охватывала черная форменная юбка. Из открытой кобуры с ковбойской элегантностью торчал наган. Протоколов не

оформлялось, паспорта лежали на столе у блондинки. В голове вертелись ненужные мысли о правах человека и презумпции невиновности.

Через несколько часов появилась стюардесса чикагского рейса. Ей были вручены наши паспорта, и мы двинулись со своими тележками к следующему самолету, которым оказался, как ни странно, Ту-134 советского производства. Радикально изменилась атмосфера: из страны лучистых улыбок мы попали в музей восковых голов. Японцы в трансокеанском Боинге вели себя по-японски: смотрели в глаза и улыбались в ответ. Американцы в «Туполеве» были погружены в себя и, казалось, вообще не смотрели вокруг. Белозубые улыбки остались на обложках гламурных журналов. В салоне было сумрачно.

С приближением к Канаде самолеты уменьшались в размере. Из Чикаго мы вылетели на пропеллерном Бомбардье размером с рейсовый автобус. Там состоялось первое интересное знакомство. С нами летел мужчина лет сорока, родившийся в Америке в семье русских эмигрантов второй волны. Он не говорил толком ни на одном языке и был абсолютно необразован. По-русски он все же говорил лучше, хотя плохо знал названия предметов. Он все время вставлял английские слова с таким русским акцентом, что понять его было трудно. Как такой субъект мог выйти из «плавильного котла»? Оказалось, он всю жизнь провел во Флориде, строительным рабочим в одной и той же артели, состоявшей из одних русских. С внешним миром у них общался только бригадир. Поговорили мы все же душевно. Он пытался мне втолковать, что по приезду я должен первым делом купить себе «карр».

В Торонто прилетели поздно вечером. Утомившись перетаскиванием сумок (чемоданов с колесиками тогда еще не было), с трудом доползли до гостиницы при аэропорте. Утром я выглянул в окно и увидел, наконец, Канаду при свете дня. Внизу была небольшая площадь, вокруг которой стояло несколько свободных такси. Это были длинные запыленные машины, заметно покрытые ржавчиной, особенно внизу дверей и крыльев. Вокруг было чисто, но, по контрасту с японским лоском и блеском, окружающее казалось тускловатым, обшарпанным и каким-то серо-бетонным. Весь день ехали на автобусе из Торонто в Оттаву. Дорога шла вдоль северного берега озера Онтарио, покрытого редким низкорослым лесом, напомнившим окрестности Петербурга.

Интернет-сервисов в то время еще не было, так что мы ехали «в никуда». Предстояло пожить в гостинице, занимаясь поисками квартиры. Еще в аэропорту, выбрали самый дешевый отель и забронировали комнату. И вот мы стоим с грудой сумок по указанному адресу, перед неказистым двухэтажным зданием с вывеской «Jail» (тюрьма). Это что, ошибка? Решаюсь зайти и спросить дорогу к отелю. Но там нас уже ждали. Молодежная гостиница располагалась в здании старой тюрьмы. Забавы ради, обыгрывались тюремные мотивы. Выдали «карточку заключенного» и «ключи от камеры». Душ и туалет были в бывшем карцере, на стенах которого еще висели кандалы. В «камерах» стояли натуральные двухэтажные нары.

Поселившись в «тюрьме», мы несколько дней слонялись по центру города, пытаясь, в частности, отыскать продуктовый магазин. Это оказалось нелегко – выяснилось, что почти все торговые центры на окраинах, и туда ездят на машинах. Жизненные возможности безлошадных были резко ограничены, так что «карр» была действительно нужна... На третий день блужданий случайно встретили приветливую добрую узбечку, которая продавала на улице хот-доги. Увидев новичков, она стала нам помогать. Через неделю мы были с машиной и квартирой.

Аренда квартиры оказалась нешуточным делом. Требовали рекомендацию предыдущих хозяев и гарантированный месячный доход. Демонстрация наличности не впечатляла. Хозяйка квартиры долго рассматривала мои научные рекомендации из Японии, оттиски статей и диплом кандидата наук. Новая знакомая за нас клятвенно поручилась, и хозяйку уломали. Настало время покидать «тюрьму». Помогавший в переезде парень критически оглядел нашу «камеру» и со знанием дела констатировал, что в настоящей канадской тюрьме комфорта больше.

Освоение Канады

В Оттаву меня потянуло потому, что в ней находился National Research Council (NRC), канадский аналог Академии Наук. Я надеялся найти там работу и решил рискнуть. Остаток нашего багажа я нагло отправил из Японии почтой по адресу: Ottawa, NRC, A. Okhotsimsky. В целом, я верно рассчитал, что искать работу лучше, уже будучи в городе и имея постоянный адрес и статус¹⁶. Поселившись в квартире, стал писать просительные письма, отыскивая фамилии в научных журналах. Ответа не пришлось долго ждать – через пару недель пригласили на интервью.

Другим важным шагом была покупка персонального компьютера и учебника по недавно вошедшей в обиход системе Уиндоус. Япония, вполне насыщенная электроникой, все же отставала в плане информатики. В лаборатории, где я работал, было, кажется, 2 или 3 компьютера на десяток сотрудников. Уиндоус я видел всего один раз у какого-то энтузиаста; все смотрели на его лаптоп как на детскую игрушку. Институтские компьютеры использовали ныне забытый «Нортон командер».

Хотя в молодости я программировал на Фортране для БЭСМ-4 и ЕС-ЭВМ, но не имел представления об операционных системах и даже не знал понятий «файл» и «каталог». Система Уиндоус впервые сделала эту кухню всеобщим достоянием. При наличии своего компьютера, ликбез занял около месяца. Работая в NRC, я уже не отставал от других в плане компьютерной грамотности. Там я впервые увидел офис современного типа: каждый сидел перед своим компьютером, включенным в хорошо организованную сеть. Интернет был еще чисто текстовым (емэйл, новости, форумы) и особых эмоций не вызывал. До победы ютуба над телевизором было еще далеко.

В NRC занимались прикладной наукой, которая мне вполне подходила. Присутствовала канадская специфика, например, борьба с обледенением самолетов. Но я появился в NRC не вовремя. Шли сокращения бюджета и персонала. Все тряслись. Моим шефом стал пожилой индус, пытавшийся впечатлить начальство в надежде избежать досрочной пенсии. Я должен был разработать метод

¹⁶ Мы въехали в Канаду со статусом landed immigrant, близким аналогом американской green card. В отличие от США, где люди годами, если не десятилетиями «высиживают» свою грин-карту, канадский статус можно было сразу получить в стране проживания при наличии профессиональной квалификации, знания языка и некоторой начальной суммы денег.

измерения объемной доли мелких частиц льда в текущем по трубе солевом растворе. Такая неаппетитная ледяная каша использовалась в качестве хладагента в системах центрального кондиционирования больших зданий. Конечная цель состояла в оценке количества холода, отпускаемого пользователям.

Мой предшественник пытался решить задачу при помощи микроволновой аппаратуры, играя на разнице в коэффициентах поглощения воды и льда. Аппарат был громоздким и сложным, как и любая микроволновая техника, и доведен до ума не был. Его перспективность вызвала сомнения. Мы взяли за новую идею – измерять электропроводность на постоянном (фактически, низкочастотном) токе. Метод получился до смешного простым: в пластиковую трубу с текущей смесью вживлялись два кольцевых электрода, и тривиальным прибором типа рН-метра измерялось сопротивление. В отдельную трубку отводилась небольшая часть раствора без льда; частицы льда задерживались мелкой сеткой типа чайного ситечка. Там измерялась электропроводность чистого раствора. Отношение результатов этих двух измерений можно было связать с объемной долей льда в растворе в силу того, что лед – это изолятор, и его присутствие уменьшало электропроводность.

Прототип прибора с необходимой теорией был сделан и испытан за 3-4 месяца. Однако судьба индуса была предreshена, и наше рвение помочь ему не могло. Мой короткий контракт кончился. Индус предлагал написать отчет, соблазняя возможностью патента, но я отказался. Нежелание работать бесплатно без определенных перспектив было одной из причин неудачи моей научной карьеры и последующей переориентации на частный сектор. Другие, готовые годами подстергать лакомую вакансию, занимаясь любимой работой без вознаграждения, часто имели шансы на конечный успех.

От NRC остались хорошие воспоминания. Руководство и обеспечение были грамотными и эффективными. Запомнились контакты с мастером, изготовившим механическую часть нашего прибора. Я впервые видел пролетария, который работал и вел себя как интеллигент. В его мастерской целую стену занимали полки с каталогами. Непривычно богатый выбор приборов и материалов был благом, но создавал свои проблемы. В этом необъятном рынке надо было ориентироваться по книгам – век интернет-коммерции еще не наступил. Мне, конечно, помогали, так что проблемы решались быстро. Если на родном физфаке я бежал от эксперимента, как от огня, то здесь создание установки превращалось в приятный творческий процесс выбора материалов, проектирования конструкции и продумывания методики.

NRC запомнился своеобразным распорядком рабочего дня. Приходили в 8.30 утра. В 10.00 полагалось идти пить чай. В 12.30 был ланч, а в 15.00 еще один чай. Уклониться от чайных церемоний было невозможно. Все должны были собираться в столовой. Начальник отдела погружался в жизненные воспоминания, и его терпеливо слушали. Болтали о том - о сем, спрашивали меня о перестройке, Горбачеве и Достоевском, привычно поругивали американцев. Невзирая на угрожающие сокращения, работали в естественном темпе, без стрессов и суеты. Если не считать длинных совместных трапез и чайно-кофейных ритуалов, времени зря не теряли. Как и в других канадских государственных учреждениях, в здании стоял густой запах кофе. В этом неспешном убаюкивающем ритме требовалось глотнуть известную дозу кофеина, дабы расшевелить дремлющие мозговые извилины.

Безработица

В NRC продолжались сокращения. Весной 1995 г. я оказался на улице. Я работал слишком мало и не заработал право на государственную страховку от безработицы, так что нас ожидала жизнь на социальное пособие (т. наз. welfare). Клиентов этой системы было так много, что мы уже с первых дней были в курсе дела. Пособие давали легко, но банковский счет брали под контроль. Покрывали стоимость квартиры в разумных рамках и стоимость еды из расчета количества ртов. Многодетные матери-одиночки горделиво расхаживали в дорогих кожаных куртках. Отцы семейств трудились за черный нал и приносили в дом приличный куш в дополнение к пособию. Нации распределялись по своим нишам. Русские – любители быстрой езды – развозили пиццу.

Иногда пишут о демонтаже западной социальной системы в 90е годы. Полного демонтажа, конечно, не было. Просто вся эта лафа периодически разрастается до такого неприличия, что происходит коррекция, и бюджет социальной системы сокращают на 20-30%, слегка понижая при этом огромные налоги с работающего населения. Подобная либерально-консервативная революция как раз и произошла тогда в провинции Онтарио. Пособия уменьшились. Зато стали поощрять повышение квалификации. К примеру, мне платили за курсы программирования.

Если меня спросят, можно ли прожить семьей на пособие, скажу честно – не знаю. Другие жили. Мы не пытались. Не за тем ехали! Наши потребности неуклонно росли в полном соответствии с открытым XXIV съездом КПСС основным законом развитого социализма. Квартиру надо было обставлять, стены завешивать, шкафы заполнять, гостей угощать. Была продана московская квартира. Мы все еще были полны оптимизма, но тучи сгущались: масштабная рассылка резюме продолжалась почти год без видимых плодов ...

Однако, осенью 1995 г. в NRC про меня вспомнили. Программирование оказалось кстати. В течение месяца, я, работая дома, писал программу расчета таяния океанских льдин под воздействием солнечных лучей. В Оттаве расцвел хайтек. Появились крупные компании, производившие мощные серверы и программное обеспечение для формирующегося интернета. Возник рынок графических программ для Уиндоус и спрос на соответствующих специалистов. Однако, весь этот праздник жизни проходил мимо. Я выглядел слишком научно. На интервью меня спрашивали с ухмылкой, почему я не профессор?

В этот трудный момент я встретил хорошего человека, поляка по происхождению, который четко объяснил мне три вещи, которые я должен изменить, чтобы найти работу: (а) упростить фамилию, (б) подавать длинное резюме страниц на 5 с полным списком научных достижений и (в) являться на интервью в безупречном черном костюме, чисто белой рубашке с галстуком, в длинном пальто и с черным атташе-кейсом. Все это радикально противоречило опубликованным рекомендациям. Официально считалось, что резюме должно быть в 1-2 страницы, ходить на интервью надо в том, в чем будешь работать, а о замене фамилии и говорить было смешно – твою уникальность должны уважать. Поляк ясно объяснил, что, следуя официальным принципам, я

буду искать работу вечно. Его советы были выполнены. Через три месяца Andrew Simsky приступил к работе в компании Sander Geophysics Ltd.

Третья волна: беженцы и профессионалы

Оформляя эмиграцию через канадское посольство, я не имел ни малейшего понятия о другом способе попадания в Канаду, официально не существующем, но не менее массовом. Этим способом было обращение к канадским властям с просьбой о предоставлении политического убежища. Советские политические беженцы были многочисленны и разнообразны. Убежища просили семейные пары с детьми, матери-одиночки, отставшие от кораблей матросы торгового флота, безработные музыканты и утомленные жизнью престарелые бизнесмены. Среди них не встречались лишь те диссиденты, ради которых эта система создавалась.

Статус беженца надо было просить, уже будучи в Канаде. Приехав по туристической визе, прямо в аэропорту «сдавались», т.е. заявляли о невозможности вернуться на родину в силу смертельной опасности по политическим причинам и сдавали паспорта. Взамен получали временные документы на жительство и назначение жить в определенном властями городе. Назначался оплачиваемый государством адвокат, и начиналась длительная судебная процедура. Адвокат, защищая интересы клиента, объяснял критерии приема и подсказывал правильные ответы. Распространялось из-под полы т. наз. «сочинение», представляющее собой нехитрое ассорти из непроверяемых избиений и угроз, гарантирующих признание «смертельной опасности». Помню, что кто-то для вящей убедительности вложил в дело фотографию забранного решеткой окна на первом этаже своей московской квартиры.

Как могли канадские судьи покупать на подобную ахинею? Основанием служила репутация страны в плане прав человека, которая придавала правдоподобие однообразно фальшивым «сочинениям». Невзирая на гласность и перестройку, на горбачевский СССР падала мрачная тень сталинского ГУЛАГа. После образования Российской Федерации, принимать политических беженцев из России постепенно перестали. Зато принимали русских из среднеазиатских республик и Израиля. Прием православных беженцев из Израиля раздражал израильское руководство, но Канада упрямо указывала на израильскую теократию и официальное неравноправие вероисповеданий.

Мне хотелось понять, как относятся к этой системе простые канадцы, оплачивавшие своими налогами это нашествие. Казалось, честные и законопослушные обыватели должны возмущаться откровенным враньем и паразитизмом. Однако, меня выслушивали равнодушно. Канадцам явно нравилось чувствовать себя в роли добродетелей. Им льстило, что люди так рвутся в Канаду, что готовы на все тяжкие. Высокой моральности от беженцев они не ожидали просто потому, что не равняли их с собой. То обстоятельство, что беженцы, как правило, не знали языка и были безнадежны в плане адаптации, работало скорее в их пользу – их не опасались как конкурентов. Процедура приема была намеренно растянутой: сначала почти все получали ритуальный отказ, после чего подавали на апелляцию, потом на вторую – рассмотрение всякий раз тянулось около

года. Все это время беженцы получали пособие, но не имели права официально работать. В их пользу выступала и пресса. Храня молчание по поводу массовых злоупотреблений, раздували редкие случаи отказа, способные вызвать жалость.

При очевидно неблагоприятных перспективах интеграции, среди беженцев находились люди, способные на исключительное упорство и достигавшие цели в результате многолетних усилий. Секрет успеха состоял в правильном сочетании железной твердости с гуттаперчевой гибкостью. Наш друг В., инженер по образованию, увидев бесперспективность прямолинейных поисков работы по специальности, сумел спрятать диплом и устроиться на рабочую должность в новую компанию, которой было суждено вырасти в гиганта оптоволоконной отрасли. Он медленно поднимался по служебной лестнице и дорос к настоящему времени до поста в высшем руководстве компании. Его супруга окончила курсы программистов в колледже (около 3х лет) и нашла работу в государственной организации, в которой до сих пор и трудится.

Рис. 1. С Игорем Оглоблиным у нас дома. Поём что-то рождественское...

Такие сказки про Золушку среди беженцев были редки. Другой наш друг, Игорь Оглоблин, потратил около 10 лет, пытаясь запустить новую карьеру. Бывший воин-десантник и выпускник пищевого института, он то работал по специальности, окрыленный надеждой, то продавал хот-доги, то просто сидел дома в мрачном настроении. В такую минуту я и услышал от него горькую фразу, вынесенную в эпиграф. Не знаю, он ли её придумал, но она звучала из его уст настолько лично, что я решился приписать ему авторство. В конце концов он вернулся в Россию, жил в

разных городах, пытаясь заниматься каким-то бизнесом, и вскоре умер. Среди наших знакомых это был единственный случай возврата. Остальные как-то адаптировались, либо найдя с грехом пополам свою нишу, либо просто дожив до пенсии. В конце концов, унижения были не напрасны: ведь метраж квартиры и объем прочих благ существенно превосходили то, что пришлось бы зарабатывать с трудом и риском у себя дома.

В течение девяностых картина стала меняться. Количество русских беженцев сокращалось и все больше новеньких приезжали как мы, по официальным каналам. В России в это время произошла компьютерная революция. Вновь прибывшие не нуждались в ликбезах, и были готовым товаром для рынка труда. Они уже знали все, что надо, и им не мешали ученые степени. Среди новых мигрантов не было ни москвичей, ни петербуржцев – народ повалил из других городов и весей. Выпускник технического ВУЗа из Тамбова или Новосибирска, проработавший несколько лет на современной фирме, легче находил работу, чем выпускник МГУ вроде меня со своими фундаментальными знаниями и московским апломбом. Но эти люди принадлежали другому поколению. Они уже не были «совками». Мы им были не интересны, и знакомств в этой среде у нас не завязалось.

Рис. 2. Детский танцевальный ансамбль при Пушкинском зале; вторая справа – старшая дочь Маши.,

Православие по-оттавски

Практически все православные нации имели в Оттаве свои церкви. Наиболее крупной была греческая. Было несколько украинских церквей, в точном соответствии с их разделением. Была даже арабская церковь, объединявшая христиан Ближнего Востока. Единственной чисто русской церковью на тот момент была недавно построенная Покровская, освященная в 1988 г. При ней был большой актовый зал, который называли Пушкинским. Рядом располагался многоквартирный Русский Дом, где мирно доживали свой век русские старички и старушки. Однако, этому уголку русского мира, внешне уютному и тихому, не суждено было коротать дни в покое и благодати. В приходе разгорелся скандал, перешедший в раскол. В чем была причина разногласий, я так и не смог разобраться. Во всяком случае, она лежала не в сфере догматических споров или правил перстосложения. Очевидно, Покровский батюшка о. Димитрий был, ожидаемо для храмостроителя, «крепким хозяйственником», и его стиль руководства не всем был по нраву. Сформировалась оппозиция, организовавшая в конце концов новый приход Св. Ксении Петербургской.

К моменту нашего приезда конфликт был на высшей точке кипения. Малочисленные «ксениевцы» вербовали сторонников. Нового человека буравили испытующим взором, задавая лишь один вопрос: «А Вы с кем?». Позже я осознал, что для русских зарубежных приходов эта ситуация не столь уж уникальна. Рассказывали анекдот о том, как в некоей русской общине, встречая новенького и показывая окрестности, ему сказали, указывая на церковные купола: «А теперь смотрите: вот та церковь, куда мы никогда не ходим!»

Рис. 3. Покровская церковь в 90е годы; слева виден Русский Дом

Оба русских прихода принадлежали Русской зарубежной церкви (РПЦЗ), отколовшейся от Московской Патриархии в конце 20х годов и восстановившей с ней каноническое общение в 2007 г. Но в то время до примирения было далеко. Начав посещать покровские службы, я с удивлением услышал регулярные инвективы в адрес российской РПЦ, которые, очевидно, полагалось вставлять в каждую проповедь. Ересь, в которой была повинна РПЦ, называлась «сергианство» и состояла в сотрудничестве с безбожной властью. Из своего безопасного и относительно комфортабельного далека, «зарубежники» клеймили создателей легальной советской церкви как соглашателей, обреченных на духовную погибель. Освобожденные из лагерей епископы представлялись им не страдальцами-исповедниками, а прислужниками сатанинского режима. Прихожанам неустанно напоминали, где находится настоящая русская церковь, хранящая чистоту

веры. Для новоприезжих это промывание мозгов было особенно важно, чтобы у них не могло возникнуть желания организовать свою «московскую» церковь под эгидой РПЦ.

При всем нашем критическом отношении к коммунизму и СССР, нам была чужда та враждебность ко всему советскому, которая была в то время канонизирована в зарубежной церкви и невольно распространялась и на нас самих. Это была та самая церковь, которая во время войны запрещала своим прихожанам собирать теплую одежду в пользу СССР в то время, как её собирала вся Америка. Неприятная обязанность выслушивать политизированные проповеди, чувствуя себя то ли перебежчиком, то ли лазутчиком из враждебного лагеря, а также неизбежность выбора одной из сторон в их распре – вот две главные причины нашего нежелания присоединиться к «зарубежникам».

Но их драма лишь начиналась. Дальнейшие события в русском мирке Оттавы достойны пера летописца. Покинувшие Покровский приход «ксениевцы» первоначально собирались в частных домах по примеру первых христиан, а потом арендовали малоприспособленное помещение. Ревностно молились они Блаженной Ксении о помощи ... Можно предположить, что главные инициаторы отделения, семья К. молились о чуде с особенным усердием, чувствуя свою ответственность за роковое решение. И чудо произошло. В самый тяжелый момент, старший К. выиграл в лотерею крупную сумму миллионного порядка. Возблагодарив Блаженную за помощь, взялись за постройку. Через пару лет на въезде в пригород Оттавы Канату, стояла изящная однокупольная церковка, построенная по модели церкви Св. Георгия в г. Юрьев-Польский.

Рис. 4. Церковь Св. Ксении Петербургской, фото 2017 г. (courtesy James Deagle)

Произошли перемены и в Покровском приходе. Отец Димитрий искал сближения с Москвой. На праздниках в Пушкинском зале стали появляться официальные лица из Посольства. Надо думать, помимо высокой церковной политики, их привлекала возможность создания прихода для своих. В 1999 г. Покровский приход, где к тому времени стали преобладать новоприбывшие, перешел под эгиду РПЦ. Это немедленно спровоцировало новый раскол и судебную тяжбу за церковное здание. Канадский суд встал на сторону «зарубежников». Сейчас (т.е. в 2017 г.) в Оттаве два Покровских прихода: приход РПЦ в съемном помещении, и прежняя церковь, оставшаяся за РПЦЗ и возглавляемая новым батюшкой Алексеем Пьявка.

Духовный же путь нашего семейства лежал через приход Св. Николая Американской Православной Церкви (АПЦ). Корни этой церкви тянулись к первым русским приходам на Аляске. До 1970 г. она была канонической частью Московской Патриархии. Получив автокефалию¹⁷, АПЦ стала поместной православной церковью Северной Америки, имея в своих рядах как обращенных в православие американцев и канадцев, так и представителей разнообразных православных наций, не нашедших пути к спасению в своих домашних церквях. В её характере соединялись русская истовость, греческая праздничность, а также американская проповедническая культура и привычка серьезно относиться к любому делу. Служили на английском.

На богослужебный стиль АПЦ большое влияние оказало движение «литургического возрождения», ярким представителем которого был о. Александр Шмеман¹⁸. Литургию стремились вернуть к её исходному смыслу совместной праздничной трапезы. Причащались все прихожане каждое воскресенье. Исповедовались регулярно, но без прямой связи с причастием. Благодаря образцовой посещаемости воскресных служб и почти полному отсутствию «захожан», все это получалось как надо. Приход был дружный. После службы спускались в подвал, пили чай и общались. Праздновали все дни рождения, часто приглашали друг друга домой. Ко всем правилам относились всерьез. Не поститься в Великий Пост было просто невозможно, так как это делали все. Никто особо не выделялся рвением, но все выполняли положенное. Спасались не поодиночке, а как бы сразу всем приходом.

Литургическое возрождение вполне соответствовало стилю остального оттавского православия, за исключением консервативных «зарубежников». Пробным камнем православного единства было Крещение. На замерзшей реке Оттаве делали общую прорубь, в которой совместно освящали воду все православные, кроме двух приходов «зарубежников», не желавших оскверняться общением с «экуменистами» и окунавших свои кресты в отдельных прорубях.

¹⁷ Американская автокефалия была подписана 10.04.1970 г. Патриархом Алексием за неделю до смерти и вручена уже следующим Патриархом Пименом. По причинам формально-процедурного порядка, эта автокефалия до сих пор не признана «вселенским» Патриархом.

¹⁸ Корни литургического возрождения уходят в движение т.наз. неопатристики (о. Г. Флоровский, Вл. Лосский, прот. И. Мейендорф), сменившее «софийный» неоплатонизм Серебряного Века (о. С. Булгаков, о. П. Флоренский, Н. Бердяев). Прошедшие горнило яростных споров с «софиологами», неопатристики получили образование в Европе и были скорее аристотельянами, чем платониками. О. А. Шмеман и других основателей самостоятельной АПЦ можно отнести к младшему поколению «неопатристов». В СССР наиболее близок этому направлению был о. А. Мень. В православном литургическом возрождении чувствуется влияние аналогичного англиканского движения, о чем свидетельствует и тождественность термина (liturgical revival).

К литургическому возрождению «зарубежники» относились с большим подозрением, пытались сохранить старинное правило ежегодного говения на Великий Пост. Нашу церковь иронически называли «николаевской», а крайние ретрограды и вовсе обзывали её «синагогой сатаны». Помимо литургических новаций, традиционалистов раздражал либерализм нашего дресс-кода. Дамы появлялись без платков и в брюках. Однако, при серьезном отношении к главному делу и при том, что все были свои, это воспринималось органично. Сочетание канадского дружелюбия с православной душевностью создавало на редкость теплую, почти семейную атмосферу. От «николаевского» прихода остались самые лучшие воспоминания.

Рис. 5. Водосвятие в праздник Крещения на Оттаве-реке; денёк, видно, выдался морозный ...

Белой акации цветы эмиграции

Если в советский период на белых эмигрантов смотрели с жалостью, то во время перестройки их стали героизировать. Восхищались их способностью сохранить и передать детям язык и веру. Даже в их потомках видели живые осколки России, «которую мы потеряли». Казалось, что конец коммунизма автоматически повлечет возврат утраченного единства. Вот теперь мы обнимемся и будем дружить как единое сообщество русского духа. Ведь нам есть, что поведать друг другу! Но эти ожидания не оправдались. Мы оказались друг другу чужими.

Воспитанные в любви к России и сохранившие язык, они не знали русских мыслей и чувств. Они не понимали наших шуток. Иностранцы по образу жизни и психологии, они утратили наш динамизм и вкус к сильным переживаниям. Жгучая ненависть праотцев остыла в их жилах и превратилась в холодное презрение к «homo soveticus». Мы были, пусть уже не враги, но классово чуждые – как грязные бомжи чужды уважающему себя обывателю. При этом, уровень умственных интересов и «русского» образования в этой среде был, по нашим меркам, крайне низок. Чтение «Войны и мира» в оригинале для большинства из них было потолком. До меня с трудом дошло, что русская интеллигенция осталась в России, а если и переехала сюда, то вымерла задолго до нашего приезда.

Привыкнув в советской атмосфере к слабости официальной идеологии в сочетании с нормальностью любых вопросов и широкому диапазону суждений, я впервые в жизни почувствовал прикосновение к бетонной стене твердого идейного монолита. Обиднее всего было то, что мои мысли и мнения не вызывали ни малейшего интереса. На меня смотрели как на удачливую крысу, вовремя сбежавшую с затонувшего корабля. Как мыслящая личность я для них просто не существовал. Наверное, советские солдаты так же относились к немцам, кричавшим «Гитлер капут!» Приготовив рассказы о наших массовых демонстрациях, альтернативных выборах и деятельности Дем. России, я вдруг понял, что никогда и никому это рассказывать не буду. Победили коммунизм все равно не мы, а Рональд Рейган. Наша собственная эволюция, как умственная, так и политическая, не имела никакой цены. Мы просто капитулировали, но при этом почему-то надеялись, что нас за это будут любить.

Конечно, степень неприятия «советских» имела свой спектр и градации. Человеческие контакты все равно устанавливались и поддерживались просто потому, что и нам и им было больше не с кем общаться. В эмиграции образуются связи, маловероятные в нормальном окружении. Разве мы стали бы у себя дома ни с того ни с сего дружить с семидесятилетним стариком, живущим на другом конце города, только потому, что он говорит по-русски? В отсутствие своих бабушек и дедушек, их ниши суррогатно занимали чужие люди.

Вторая волна: судьба белоруса

Если потомки «бывших» все же тянулись к общению, то «немецкие пособники» нас откровенно сторонились. Белые были фиксированы на своей правоте, а эти имели комплекс нераскаянных грешников. Это были малообразованные люди, оценивавшие свое прошлое без особых рефлексий на основе простого принципа: «что было, то было». В Канаде их никто ни о чем не спрашивал, и

это равнодушное дружелюбие уже стало для них привычным. Заранее уверенные в нашем осуждении, они не ожидали от нас ни понимания, ни сострадания. Не желая и не умея проклясть прошлое, они готовились унести в могилу свою боль и свои тайны. Исключением был старичок С., надиктовавший своей дочери мемуары, которые мне довелось прочесть. Его история заслуживает краткого пересказа.

Родом из бедной западно-белорусской деревни, он провел детство и молодость в Польше. Отец рано умер, и их жизнь была тяжелой борьбой за выживание. С. хотел учиться, но в «панской» Польше для бедняка это было нереально. Он с надеждой смотрел на СССР и радовался приходу Красной Армии в сентябре 1939 г. Вышедши встречать освободителей в лучшем костюме, он был поражен тем, как плохо одеты красноармейцы. Один из них обозвал его «буржуем». Понять того красноармейца можно. Престарелый С. любил хорошие костюмы и, оставшись полуграмотным мужиком, смотрелся истым джентльменом.

Его просоветский энтузиазм, однако, не пропал, и он охотно призвался в армию. Но и здесь он оказался человеком второго сорта: «западенцев» призывали красноармейцами второго разряда, что-то вроде стройбата. Их послали строить аэродром. Оружия им не давали, и ничему военному не учили. В первые же дни войны они разбежались. Вернувшись в свою деревню, он обнаружил, что власть там захватили враги – богатеи-антисоветчики. Чувствуя себя в опасности, он и подался в Германию. По его словам, работать в Германию ехали добровольно. На оккупированных территориях было голодно: немцы кормили только тех, кто на них работал. В Германии «остарбайтеры» жили лучше, чем у себя дома. Работая на заводе, С. отстаивал свою национальную честь хорошей работой. Он хотел доказать, что он не «унтерменш». Он искал уважения, и мысль о саботаже была ему чужда. По его словам, вредительством занимались французы.

Из мемуаров С. возникал новый для меня облик Германии военного времени как страны спекулянтов и контрабандистов. Спекулировали всем, чем могли. Все это запрещалось и было смертельно опасно, но смельчаки не переводились. Немецкий Гулаг был более разноцветен, чем мы себе представляем. Слово «концлагерь» было известно и наводило ужас, но, помимо этого, было множество больших и малых лагерей с более или менее свободным режимом для разных категорий перемещенных лиц. На фоне заученных штампов о холокосте, было интересно слушать рассказы С. о его коммерческих визитах в «еврейский» лагерь, обитатели которого спекулировали парфюмерией.

И здесь С. присматривался к советским, которые выделялись стоическим отношением к лишениям. Казалось, им было хорошо, когда всем остальным было плохо. Они умели жить нормально в ненормальных условиях. Даже в лагерях, они собирались вокруг костров и пели песни. Воспитанный индивидуалистом, С. так и не разгадал их загадку.

Сообщество «остарбайтеров» скреплялось острым чувством общей судьбы. Завязывались романы. С. встретил девушку, работавшую в услужении у вдовы убитого офицера. Хозяйка и служанка подружились и вместе оплакивали свои искалеченные судьбы, проклиная войну и тех, кто её придумал. Она жила в другом городе, куда С. периодически отпускали.

После Победы, С. хотел вернуться, и его переправили в советскую зону. По мере приближения к родине, у него стало возникать мрачное предчувствие нового лагеря. Сильное впечатление

произвел на него случайный разговор с советским офицером, который сказал ему, указывая на свою форму, буквально следующее: «я с радостью променял бы это на спецовку американского рабочего». В конце концов он сбежал. Добравшись пешком до английской зоны, он нашел свою невесту и явился вместе с ней на канадский вербовочный пункт.

Канадцы вербовали работников на фермы. С уважением и здесь было плоховато. Первым английским выражением, которое ему пришлось усвоить, было «Shut up!» (заткнись!). Отбор ограничился быстрым медосмотром. Грубо говоря, смотрели в зубы. В Канаде он получил от фермера маленький домик с покосившимся полом. Своими руками он отстроил на его основе большой приличный дом. Наконец у него было что-то, что никто не мог отобрать. Работать на ферме ему было не привыкать. А по воскресеньям он одевал приличный костюм, шляпу и кожаные перчатки, выходил в город и чувствовал себя человеком.

Наше общение с С. было ограниченным и недолгим. Ему нравилось рассказывать, но его супруга буквально оттаскивала его за пиджак и не считала наше общение уместным. Она не испытывала к нам никакой неприязни, но не хотела, чтобы мы ковырялись в их прошлом. Однажды она обронила: «Мы знаем, как вы о нас думаете». У С. был рак, и он вскоре умер.

Родной английский и неуловимые мыследействия

Языком я начал заниматься дома с 8 лет. Первой учительницей английского была бабушкина подруга по театру-студии МХАТа. Она так и осталась на всю жизнь при МХАТе, исполняя роли служанок и прочих безымянных персонажей. Она была родом из семьи англофилов. Еще до революции она съездила в Шотландию и хранила, как святыню, открытки с пейзажами живописных «лохов». Она заставляла меня писать прописи и поставила английский почерк. Она называла меня «Энди» и поощряла марками, положив начало моей филателистической коллекции.

Её сменил профессионал, Эзра Михайлович Басс. Он работал на кафедре английского языка Академии Наук и написал несколько книг по английской научной лексике. Он часто приходил к отцу, и они вместе работали над очередным космическим докладом. Так что мы с отцом учились языку одновременно. Эзра Михайлович говорил с американским прононсом, и как-то упомянул, что в молодости жил в США. Как это могло быть? В нем жила какая-то загадка. Он писал на стихи на английском и смотрел вокруг немного грустным отсутствующим взглядом, словно пытался сказать, что все это сон или игра, а настоящая его жизнь где-то в Зазеркалье, ключ к которому потерян. Недавно его тайна открылась. На интернет – форуме, посвященном фильму «Молчание доктора Ивенса», для которого он написал слова к песне «Дорога», сказано, что он был советским разведчиком-нелегалом. Однако, педагогом он не был. Наши уроки сводились к разговорной практике, благодаря которой у меня закрепилась привычка квази-свободно объясняться в рамках ограниченного словарного запаса.

Отец привозил из-за границы дешевые книжки непривычного карманного формата, напечатанные мелким шрифтом на плохой желтой бумаге. Он где-то усвоил мысль, что надо учить язык путем чтения детективов, и закупал пачками Агату Кристи. Покупкой дело и ограничивалось. Попытки

чтения превращались для нас обоих в утомительную расшифровку, в котором основной книгой оказывался словарь, а не сам роман. Я переключился на адаптированные книжки. Этот замечательный жанр учебной литературы, по-моему, умер вместе с СССР. Адаптировали для конкретного n-ного класса обычной или английской школы и добавляли словарик дополнительных слов, которые могли быть неизвестны ученику данного класса. Эти книжки я читал с удовольствием, не испытывая страданий и комплекса неполноценности.

Благодаря всем этим усилиям, мой английский был близок к уровню английской школы. Во второй математической школе была организована группа для бывших учеников английских спецшкол, и я был там более или менее на общем уровне. В МГУ я сдал вступительный тест и переключился на французский. Английский вернулся в мою жизнь в аспирантуре. Мой шеф, работавший редактором раздела «Физика жидкостей» в Реферативном Журнале, стал присылать статьи, к которым надо было писать аннотации. Платили пословно, около 10 рублей за статью. Затем родились дети, настала перестройка, и стало не до английского.

Важный рывок был сделан уже в 1992 г. во время подготовки к работе в Японии. Новый педагог заставлял зубрить лексические конструкции. С его помощью я усвоил принципиально новую методику, помогавшую переводить языковые знания в актив. Большой лист бумаги делился вертикальной линией на две стороны. Слева писалась русская версия выражения, слова, или даже целой фразы, а справа – английская. Лист перегибался и выучивался от русского к английскому: глядя на левую сторону, надо было отвечать правую. Я следовал этой методике еще много лет, сохраняя все старые листы и дополняя их новыми, помещая туда приглянувшиеся выражения из книжек, разговоров и других источников. Невольная ассоциация слов и фраз с контекстом, из которого они были выдраны, придавала этому импровизированному словарю характер лингвистических мемуаров. Из этих листов со временем образовалась приличная пачка, которую я постоянно возил с собой. Свободные минуты использовались для повторения. Весь этот рукописный словарь многократно проходил от начала до конца.

Есть мнение, что иностранный язык следует изучать путем полного погружения, отвлекаясь вообще от своего языка. Мой опыт говорит об обратном. Чужой язык, как и любая новая информация, изучается в разы быстрее именно из родного языка, отталкиваясь от его знакомых структур и методов объяснения. Беспомощное барахтание в иноязычной среде неэффективно. Конечно, выучиться говорить на туристическом или бытовом уровне можно как угодно. Но ведение сколько-нибудь сложного разговора, приближающегося к тому, на что Вы способны на родном языке, сразу поставит Вас перед задачей прямого перевода Ваших нормальных русскоязычных мыслей. Другое дело, что практика в среде изучаемого языка необходима для тренировки – иначе все знания останутся теорией.

В Японии возникла совсем новая проблема: надо было изучать на английском новую научную тематику. Я вдруг осознал огромную разницу между чтением английских статей по своей, уже хорошо знакомой специальности и освоением совсем новой темы. Я изучал теорию Шлирен-фотографии для установки, которую предстояло спроектировать и собрать. Передо мной лежала книга по оптике на английском. Прежние познания помочь не могли, да и были подзабыты за бурные годы перестройки. На каком языке мне думать о Шлирен-фотографии и укладывать в память понятую из книжки теорию? Прочитываемый английский текст вторгался в мозг и

вытеснял на периферию сознания вяло пробуждающиеся от долгой спячки русскоязычные оптические мысли. На авансцене мышления, освещаемой светом прямого сосредоточенного внимания, громоздились английские фразы, тяжелые, как дубовые бревна. Эти фразы оставались фразами и не конвертировались в мысли. С ностальгической тоской вспоминалась ясность понимания, достигнутая когда-то с физфakovскими учебниками оптики. Я продирался через проклятую книгу со скоростью две-три страницы в день. Это было похоже на попытки бежать стоя по горло в воде: среда вязко сопротивлялась попыткам движения. Требовались изматывающие усилия для продвижения в темпе замедленного кино.

В голове явственно ощущался неприятный мыслительный вакуум. Обрывки старых русскоязычных мыслей безжизненно шевелились, будучи не в силах подняться и заявить о себе в полный голос. Англоязычные же мысли просто отсутствовали в принципе. Как я мог думать по-английски о том, чего я вообще не понимал? Это мыслительное болото было преодолено примерно за месяц, хотя у себя дома, в тех же условиях, это заняло бы 2-3 дня. Однако дома «тех же условий» просто не было. Здесь же меня окружали полнейшее спокойствие и гробовая тишина. Идеальные условия для индивидуальной работы компенсировали языковые трудности и вакуум научного общения.

По мере вживания в тему, языковые проблемы не то чтобы исчезли, но мешали все меньше и меньше. Подход определился, и работа перешла в конструктивную фазу. Надо было набирать наблюдения в соответствии с отработанной схемой. Язык вдруг потерял всякое значение. Я стал мыслить действиями. Мысли стали быстрее слов и перестали осознаваться. Чтобы лучше понять этот переход, представим себе футболиста, который, по известной поговорке, «играет ногами, а выигрывает головой». Его действия мы склонны описать как автоматические, но, в действительности, его мозг ежесекундно принимает мгновенные решения, которым подчинены его движения. Не стоит считать движения футболиста инстинктивными: звери могут бегать и прыгать не хуже людей, но не могут играть в футбол. Движениями спортсмена руководят мысли, но выраженные не словами языка, а «словами» телесных движений и игровых ситуаций. Эти мысли прокручиваются быстро именно в силу своей невербальности, и по этой же причине их трудно осознать. Ведь осознать – это выразить словесно или вообще как-то описать. В силу неразрывной связи этих мыслей с действиями их можно назвать «мыследействиями».

Мышление экспериментатора работает примерно также как у футболиста. Если естественный словарь футболиста включает «слова» типа «пасовать» и «ударить по мячу», то словарь экспериментатора, привязанного к конкретной установке, складывается из «слов» типа «измерить», «приготовить образец», «записать результат» и т.д. Если этот набор мыследействий оформился, то их словесные этикетки уже не существенны. На этом этапе решения научной задачи человек перестает обращать внимание, на каком языке он думает, так как его реально важный мыслительный процесс происходит на языке мыследействий, а нормальный человеческий язык служит лишь для фиксации чего-то важного в собственной памяти или для объяснений с коллегами.

Невыносимая ясность программирования

Совершенствовать английский в Японии было и трудно и не особо нужно. В Канаде – другое дело. Оказавшись безработным, я решил начитать книжек и дорасти, наконец, до уровня чтения художественной литературы без словаря. Стал читать Толкиена, про которого до того ничего не знал. Оказалось, что его книги были Библией для наших здешних сверстников, примерно как для нас «Война и мир» и «Тихий Дон». Однако, разница бросалась в глаза. Если в нашей литературе добро и зло становилось предметом мучительных раздумий и трудного выбора, то в мире Толкиена этот выбор был предопределен генетически. Ведь орки, носители зла – в то же время и нелюди, полу-звери. Их массовое убийство в сражениях необходимо и благородно. Все бы это ничего, пока не осознаешь, что для западной молодежи поколения холодной войны орками были мы.

Оттавская библиотека производила сильное впечатление. Ощущался масштаб англоязычной книжности. На полках стояли вперемешку книги авторов как минимум из четырех крупных стран: Великобритании, США, Канады и Австралии¹⁹. Невзирая на расстояния и другие различия, они принадлежали единому культурному полю. По мере чтения, надобность в словаре уменьшалась. Но вместе с этим росло ощущение, что я забиваю голову лишними знаниями. Такой язык я все равно не смогу удержать в голове и перевести в актив. Да и зачем? Он слишком цветист и полон излишествами, которые для обычного общения, даже и на сложные темы, просто не нужны. Общение требует не сложности, а ясности. Была нужна языковая модель, которую я мог бы взять на вооружение. Эта модель была найдена в учебниках программирования.

Мне нравились вечерние курсы программирования. Закончив три наиважнейших курса по C и C++, я вошел во вкус и стал изучать другие языки и технологии. Моя зачетная ведомость из Алгонкин-колледжа подтверждает успешное окончание тринадцати курсов. По каждому курсу полагался учебник. Я решил напиться компьютерными учебниками и формировать на этой основе англоязычную часть своего профессионального сознания. Язык учебников полностью отвечал моим языковым нуждам. Доминантой этого языка была кристальная ясность. Программирование детерминировано – в нем нет места туману. Оно ясно по своей сути, и задача учебника – донести эту ясность до читателя.

В этом языке не было место украшениям и излишества. Каждое слово имело только один смысл. Набор лексики был ограничен кругом задач и ситуаций. Фразы допускали максимальное упрощение, не теряя полноты смысла. Для каждой мысли существовал один лучший способ выражения, и он был найден. В отличие от писателей художественной литературы, авторы учебников рассчитывали не только на урожденных носителей языка. Вместе с тем этот язык не

¹⁹ Круг чтения любимой нами англоязычной классики сильно отличался от того, что читали там. Такие персонажи моего детства, как «последний из могикан», «всадник без головы», капитан Блад или Айвенго не были известны никому из наших канадских знакомых. Зато они все были «с Толкиеном в башке» и, как правило, читали «Развеемо ветром» и «Великого Гэтсби», т.е. романы-носители американского духа. Наиболее образованные были знакомы с античной классикой. Многочисленные экранизации «Войны и мира» свидетельствуют об интересе к русской литературе. В сфере общего круга чтения присутствовали также Марк Твен и Бальзак. С другой стороны, обожаемый в позднем СССР Хемингуэй не вызывал никакого энтузиазма, а Артур Хэйли, раскрученный у нас переводами журнала «Иностранная литература», был почти неизвестен.

был адаптирован, и в нем присутствовала полнота выражения. Этот язык я и стал впитывать. Через некоторое время я стал писать на работе вполне приличные руководства для пользователей своих программ.

Из чего сделаны мысли? Полный абзац.

Помимо чисто компьютерных курсов, я брал уроки по лексике деловых писем и технических отчетов. Учили писать письма-обращения и письма-ответы, как позитивные так и негативные. Все это было на очень элементарном уровне, но принесло большую пользу. Моим главным открытием в этом курсе был абзац. Привыкши писать по-русски в режиме «вязаной шапочки» (т.е. петелька за петелькой, слово за словом, фраза за фразой), я вдруг осознал мощь структурированного текста. Если до сих я всегда думал одновременно с писанием и считал это нормальным, то сейчас вдруг стало ясно, что сначала надо привести мысли в порядок – и тогда уже писать. Я стал учиться думать о тексте и отделять мысли от слов.

Я впервые понял, что абзац – это важнейшая структурная единица текста. Один абзац – одна мысль. Абзац имеет свою структуру: первая фраза вводит в курс главной мысли абзаца, затем идет её описание и развитие, в конце формулируется вывод или переход к следующему абзацу. Так как в каждом абзаце должна быть только одна главная мысль, всегда можно составить по-абзацный план текста и, в идеале, с него и надо начинать. Этот по-абзацный план в принципе эквивалентен тексту, но слишком конспективен для читателя.

Размышляя о связи абзацной структуры с мыслями, я неожиданно пришел с другого конца к уже понятому ранее факту отдельности мыслей от слов. Ведь если мысли можно и даже нужно продумать до начала писания, значит эти мысли сделаны не из слов, а из другого материала. Но из какого? Позже, у меня был период, когда я всерьез увлекся интерпретацией процесса собственного мышления на основе платонизма. Я говорил себе, что идеи – это внешние по отношению ко мне предметы, которые я просто рассматриваю и перебираю. Поэтому, если появилась хорошая мысль, то это совсем не моя заслуга. Она где-то была, а я её просто увидел, наклонился и подобрал. Потом я перестал всерьез верить в эту модель, но ничего лучшего пока не нашел, за исключением возникшей уже при написании этих воспоминаний полу-оформившейся концепции мыследействий.

Сандер и его семейство

Компания Sander Geophysics Ltd. (SGL), в которой я работал с лета 1996 до марта 2002 г. занималась (и продолжает успешно заниматься) авиационной геологоразведкой. Конечно, с воздуха минералы под землей увидеть невозможно, но можно составить хорошую карту

магнитного поля, по поведению которого можно судить о характерных структурах, указывающих на месторождения.

Юный Сандер приехал в Канаду вскоре после войны из Германии. Он еще помнил как в апреле 45го блестели в солнечных лучах падающие на Берлин советские бомбы. В послевоенной атмосфере «денацификации» ему пришлось сменить имя Вольфганг на Джордж и фамилию Zander на Sander. Начав измерять магнитное поле вручную, он постепенно развил свой геофизический бизнес в небольшую, но профессионально значимую компанию размером около 50 человек. Компания была семейной и напоминала о кланах ветхозаветных патриархов с «чада и домочадцы». Сам Джордж знал всех и периодически подходил к каждому для душевных разговоров: задавал вопросы, рассказывал о себе, старался быть в курсе того, как и чем живут его сотрудники и их семьи. Рождественские корпоративы устраивали дома у его дочери, которая была основным менеджером оттавского офиса.

SGL удивляла полным отсутствием бюрократии и крайней неформальностью во всем. Казалось, все всё держали в голове, и вся структурность сводилась к четкому разделению функций и ответственности: пилоты летали, механики ухаживали за самолетами, геофизики планировали полеты и обрабатывали данные, прибористы занимались измерительной аппаратурой, а программисты писали программы – каждый свою. Всего было три крупных программных пакета: (1) управления полетами, измерениями и сбором данных в реальном времени, (2) построение и распечатка цветных крупноформатных карт на основе собранных данных и (3) расчет фактической траектории самолета при помощи спутниковой навигации – это последнее направление и предопределило мою дальнейшую карьеру.

Чтобы получить карту магнитного поля, надо не только его измерить, но и определить с максимально возможной точностью координаты точек, в которых были сделаны измерения. Для этого и использовалась спутниковая навигация. Точность позиционирования напрямую влияла на качество карты. А качество было важно. Связи с клиентами, крупными добывающими корпорациями, держались на наработанных, привычных связях и на доверии к нашему профессионализму. Качество было важнее сроков.

Семейно-личный характер компании был благом. Сандер смотрел в перспективу и сочетал экономическое видение с техническим. Он и его родичи платили себе умеренные зарплаты, вкладывая всю прибыль в разработку нового прибора, авиационного гравиметра, призванного обеспечить наше светлое будущее. Над этим прибором работала небольшая группа, к которой подключили и меня.

Гравиметр и его команда

Гравиметр – это супер-точные весы с постоянным грузом. Помещенный над нефтяным полем, он фиксирует мизерное уменьшение измеряемого веса по сравнению со сплошной скальной породой – порядка одной миллионной доли. На самолете гравиметр подвергается постоянным колебаниям вверх-вниз, так что измерения колеблются, отражая эти движения. Для компенсации

необходимо рассчитывать вертикальные ускорения самолета при помощи спутниковой навигации с той же точностью порядка миллионных долей от ускорения свободного падения. Эта новая технология, работавшая на границе возможного, разрабатывалась под конкретные нужды нефтяных компаний. У конкурентов сопоставимый аппарат не просматривался, хотя общий принцип был хорошо известен.

Для гравиметра писалась специальная программа позиционирования повышенной точности, которая, впрочем, могла использоваться и для остальных проектов. Планировалось предлагать клиентам объединенный продукт в виде магнитных и гравиметрических карт, а также рельеф местности, снятый лазерным альтиметром (т. наз. LIDAR).

Разработкой гравиметра руководил канадец Ф., светлая голова которого обеспечила ему постоянное место главного инженера в семейной компании Сандера. Он не был ни научным гением, ни вдохновенным изобретателем, но его универсальный и пытливый инженерный ум идеально подходил для поисков практически оптимальных решений в многосложной деятельности компании. Собственно, его одного и нужно считать автором гравиметра. Остальные члены группы были чем-то вроде отверток, хорошо подходящих к своим винтам, но легко заменяемых при пропаже. В группе никогда не было собраний. Коллективные обсуждения не поощрялись: каждая отвертка должна была крутить свой винт. Все вопросы решались в разговорах один-на-один с Ф. и только с ним. Он один знал весь прибор.

При жестко монархических методах управления Ф. был совершенно доступен, абсолютно скромен и вежлив, реагируя на все в мягком само-ироничном тоне канадского юмора. Он не давил и не подгонял. Даже в трудные моменты кризиса, когда Сандер уже начал было продавать самолеты, он не нагнетал никакой нервозности и ничего не требовал. Он совсем не был доминантен и, казалось, что при более демократичной организации, он бы просто потерялся и оказался бы задавлен более харизматичными и агрессивными индивидуумами.

А таковые имелись – мой прямой руководитель З., эмигрант из Восточной Европы, явно был не против порулить всем проектом. З. был умен, красив и уверен в себе. Его роль в моей жизни невозможно переоценить. Прежде всего, это именно он выбрал меня из трех подходящих кандидатов на должность GPS-программиста. Именно он стал моим первым учителем спутниковой навигации. Наконец, он был очаровательным собеседником, и с ним можно было просто пообщаться, как с человеком. Незаметно для меня самого, он стал ролевой моделью для моей формирующейся канадской личности.

Помимо словарного знания языка, интеграция включает еще и знание того, что и когда говорить и как на что реагировать. Одним словом, требуется формирование как бы дополнительной личности. При всей канадской терпимости к разношерстной и разноцветной публике, надо было отвечать минимальным общим стандартам и быть как все хотя бы в главном. Интонации, жесты, взгляды, улыбки - весь этот арсенал нуждался в перенастройке. Ведь известно, что лишь в стенах собственного дома Штирлиц мог позволить себе быть самим собой и есть рыбу ножом... При этом, копировать нюансированное и богатое подводными токами англосаксонское общение коренных канадцев было просто невозможно. Подражать более продвинутому мигранту, тем более этнически близкому, оказалось под силу. Я подражал З. совершенно неосознанно, просто в силу инстинкта и очевидной потребности в новом коде общения, т.е. примерно также, как малыш

подражает папе. З. был понятен, близок и доступен. Тайком от Ф., мы подружились семьями. Уже позже я осознал, что у З. была одна червоточина – он был неадекватно высокомерен по отношению к коллегам и «аборигенам». Это высокомерие, заимствованное от него вместе с его общим стилем, и манерой и помноженное на мое собственное природное зазнайство и неискоренимое стремление выделиться, сильно затруднило в дальнейшем мою адаптацию к фламандскому коллективизму будущей бельгийской компании.

Канада полна образованными мигрантами, так что работодателям есть из кого выбрать. Двойное высшее образование никого не удивляет. Учиться долговато, зато при правильной комбинации дипломов найти работу легче. Многие начинают работать в возрасте от 30 до 40. Так, четвертый член нашей группы, алжирец, имел два магистерских инженерных диплома (из дома и канадский), а сам З. имел аж две кандидатские степени – одну из дома, другую заработанную в Калгари и специально заточенную под тематику гравиметра. Видимо поэтому ему все время хотелось большего: он слишком много знал ... В конце концов, он ушел из компании, оставив меня один на один со своей GPS-программой, чем сильно способствовал моему росту как самостоятельного специалиста. В бельгийской компании на меня уже смотрели как на маститого ветерана GPS-отрасли.

По советским понятиям, гравиметр создавался долго. Когда я начал работать, он уже стоял в самолете, и все основные компоненты для его функционирования были в наличии. Но лишь через шесть лет, когда я уезжал в Бельгию, прошли первые полу-коммерческие, но еще полу-испытательные полеты. Медленно это или быстро? При полной замкнутости предприятия, функционировавшего изолированно от мира, как краб-отшельник в своей раковине, ответить на этот вопрос трудно. С чем сравнивать? Однако за это время сменилась технология мобильных телефонов, чуть не в тысячу раз выросли все параметры персональных компьютеров, возник Интернет в его теперешнем виде, появилась онлайн-коммерция и Гугл ... Но если бы Джордж был сейчас жив, он наверное счел бы вопрос неправомерным. Разве не важнее, КАК гравиметр работает? Если он остается уникальным, кормит компанию и уже размножился на три экземпляра, так ли уж важно, делали ли его 10 лет или 5? Джордж не слышал о принципе С. П. Королева: «Если сделаешь быстро, но плохо, то все забудут что сделал быстро, но запомнят, что сделал плохо. А если сделаешь медленно, но хорошо, то все забудут, что сделал медленно, но будут помнить, что сделал хорошо...». Но он принадлежал к тому же поколению и работал в том же духе, а связь поколений в Канаде не прерывается...

Полеты во сне и наяву

В SGL я заразился американской авиационной романтикой. В Америке летать – это круто. Многие летают в аэроклубах, а кто побогаче покупают свои самолеты. Авиационные шоу – это важнейшие события года. На них съезжаются издалека огромные толпы любителей авиации. Профессия пилота считается в удовольствие и оплачивается крайне низко (кроме военных летчиков). Среди летчиков можно часто встретить детей обеспеченных родителей, а также одиноких энтузиастов-бессребреников.

Однако, мои полеты начались раньше. В Японии я летал во сне. Об этом стоит поведать читателю, который быть может и не знает, как хорошо летается во сне. Полеты происходили по одному и тому же сценарию. Едва смежив веки на полужестком татами, я перемещался на дачу в Абрамцево, в ласковую теплую прохладу летней подмосковной ночи. Взлетной полосой была знакомая песчаная дорожка в саду между кустами полудиких роз и грядкой с гвоздиками и флоксами. Надо было лечь на дорожку на живот и особым образом настроить тело к полету. Сначала отрывались от земли плечи, потом Ласковый воздух обтекал тело, летящее на комфортной скорости над кронами деревьев. Вылетев за пределы поселка, я всегда направлялся в сторону музея, пролетая над замечательным маленьким прудом с грязной водой и глинистым дном, прозванным «шоколадкой». Этот пруд обладал необъяснимой притягательной силой как для местных, так и для приезжих и был излюбленной моделью местных живописцев. Иногда я летал и над Москвой, вылетая через окно.

Никто никогда не убедит меня в нереальности этих полетов. Ведь мудрая философия гласит, что реальность есть то, что дается нам в ощущениях. Но именно ощущений-то было предостаточно, причем ярких и сильных, запомнившихся намного лучше, чем убивающая свежесть восприятия механическая дневная суэта, от которой остается в памяти лишь полу-стертое томительное ощущение непрерывного движения, постоянных ошибок и опозданий и череды нежеланных, но неизбежно обязательных действий. Что может помнить белка в колесе? Ей наверное тоже снится по ночам сосновый лес, прыжки-полеты между деревьями, запах смолы и заветное дупло с мягкой мшистой подстилкой.... Если другим казалось, что я все время спал, мирно посапывая на своем татами – что с того? Они просто не знали, где я был, вот и все.

В Канаде полеты больше не снились, но зато стали явью, что было тоже неплохо. Один из наших пилотов владел долей старенькой Сессны-150 и предложил меня учить для поддержания своего инструкторского рейтинга. Я оплачивал лишь стоимость топлива. Получая от него практические уроки, я посещал теоретические курсы, мечтая о правах пилота-любителя. Пройдя глазное обследование, я получил наконец нормальные очки²⁰ и впервые увидел мир как он есть во всей его идеальной четкости. Обследование показало, что у меня нет полноценного бинокулярного зрения. Я смотрю то правым глазом, то левым, поэтому изображение перед глазами то слегка прыгает и плывет, то представляется раздвоенным. Для пилота это явно не самый лучший вариант, но на любительском уровне допустимо.

Управление самолетом под прямым руководством сидящего рядом инструктора несложно. Однако, по мере обучения, у меня возникало ощущение, что справиться со всеми задачами в одиночку мне будет не под силу. Пилот решает одновременно и непрерывно три задачи: управляет самолетом, ориентируется на местности и ведет переговоры с диспетчерами. Эти радио-переговоры ведутся на авиационном жаргоне, причем пилот слышит все, что говорят диспетчеры всем самолетам в своей зоне, и должен реагировать лишь тогда, когда обращаются к нему. Эту часть я так и не начал осваивать. Уже сочетание управления с навигацией перенапрягало мои умственные способности. Земля проскакивала внизу с такой скоростью, что я всегда опаздывал с распознаванием местности. Выяснилось, что, даже в новых очках, я не способен заметить другие самолеты – они всегда были далеки и немыслимо крохотны.

²⁰ До того мне выписывали очки несколько слабее, чем нужно в соответствии с принципами советской офтальмологии, предписывавшими таким образом замедлять рост прогрессирующей близорукости.

Впечатлений, однако, было много. Запомнился один зимний полет. Очистив Сессну от снега, заведя мотор и сняв толстые парки, мы с трудом разместились в тесной кабине. Оторвавшись от земли, вдруг почувствовали, что Сессна плохо набирает высоту. Пока обсуждали ситуацию, аэропорт уже уплыл далеко назад. Мой инструктор решил сесть на оказавшуюся рядом частную взлетно-посадочную полосу, принадлежавшую его знакомому зубному врачу – любителю авиации. На земле, проблема была сразу обнаружена: на нижней поверхности крыла висели во множестве замерзшие ледяные капли, ухудшавшие аэродинамику. Мы их просто не заметили. При помощи скребка проблема была быстро решена. Однако, этот частный аэродром был покрыт свежевыпавшим снегом. Развить скорость, необходимую для нормального взлета было невозможно. Что же делать? Мой инструктор заявил, что продемонстрирует взлет с использованием экранного эффекта, когда земля поддерживает низко летящий самолет, и набор скорости происходит уже в воздухе. Он потянул штурвал на себя... наш самолетик оторвался от снега на недостаточной скорости, тут же повалился назад, и, почти касаясь снега колесами и неуклюже раскачивая крыльями, как подраненная утка, постепенно набрал взлетную скорость, и, задрвав нос и жужжа пропеллером, благополучно взмыл в вечно синее канадское небо...

Рис. 6. Конец марта 1999 г. Явление Алекса народу ...

Домашний уют во сне и наяву

Теория снов Фрейда, согласно которой они сотканы из материала прошедшего дня, ко мне неприменима. Мои сны часто работают как машина времени и переносят в отдаленное прошлое. Такие сны бессюжетны, но образны. Они сосредоточены на каком-нибудь одном глубоко въевшемся очень старом ощущении или переживании, вросшем в душу, как родимое пятно. Зброшенное в дальний угол памяти и там забытое дневным сознанием, оно терпеливо дожидается ночной тьмы и тогда стучится в дремлющий мозг, отдыхающий от дневной суеты. «А вот и я,» – говорит оно, – «ты что, забыл? Я – это тоже ты».

В Канаде мне начала сниться квартира, в которой я вырос, и которую покинул весной 1972 г., когда мне было 14 лет. Она располагалась на углу Ленинского и ул. Дм. Ульянова, над овощным магазином, где сейчас находится «Седьмой континент». В этой квартире все было солидно и основательно. Тяжелая темная мебель была прочной и недвижимой, как скалы. Длинный коридор был хребтом квартиры и придавал ей осмысленную структуру. У неё была длина и ширина, начало и конец. В ней были углы, куда можно было забиться, и полати, куда можно было мечтать залезть. Английские часы с маятником играли разные мелодии каждые 15 минут. Все стояло на своих правильных местах. Пространство квартиры было идеальным вместилищем семейной целостности и традиции. С детским легкомыслием, я принимал её как должное и считал вечной. Я пустил в ней корни ... в ней эти корни и остались.

О планах переезда я узнал случайно, подслушав разговор родителей. Как они могли на такое решиться? Мне собирались дать отдельную комнату, не спросив, нужна ли она мне такой ценой. В новой квартире все было не то и не так. Старые вещи не прижились, а свежкупленная мебель не имела ни лица, ни цвета. Пол покрыли белым паркетом, уместным в бальной зале. Окна завесили бессмысленными на 12м этаже тюлевыми шторами, которые мне же пришлось и вешать. Смотреть вниз было страшно. Если старая квартира казалась пещерой, высеченной в сердцевине незыблемого восьмизэтажного массива, то новая была каким-то скворечником, приделанным на вершине фонарного столба. Часы с маятником замолкли сразу после переезда и больше никогда не играли. Дух умершего дедушки, присутствие которого всегда ощущалось в той комнате старой квартиры, из которой он ушел в больницу, исчез. Очевидно, он покинул нас при переезде, не найдя себе места в новом порядке вещей. Бабушка ушла в себя и молчала. Её время прошло. Бабушка ходила по белому паркету в уличных туфлях на каблуках. Скользкий свеженатертый паркет был для сохранности тут же накрыт елозившими по нему ковравыми дорожками, на одной из которых она и поскользнулась, сломав шейку бедра... В довершение всего, в этой квартире находился люк мусоропровода, из которого разбегались по белому паркету полчища тараканов.

Что я делал в старой квартире в своих снах, я сказать не могу. Снилось само ощущение пребывания, острое и абсолютно натуральное. Квартира была пуста. Видимо, она никому не была нужна, кроме меня... Попытка воссоздать уют старой квартиры средствами конца 80х годов была предпринята в нашем первом отдельном семейном доме на Варшавском шоссе. Эта квартира тоже помещалась на пятом этаже. Пусть наши новые «стенки» были из ДСП и не могли иметь всей солидности старой мебели, зато они имели вкусную темно-матовую цветовую гамму и замечательное множество ящичков и полок. Фотообои с сосновым лесом, чучело сибиркой белки,

детский спортивный комплекс, картины с Арбата и стол-книжка – все это было увязано в единое квартирное целое и внушало надежды. Эту квартиру можно было полюбить, и перспективы более глубокого чувства угадывались в дымке будущего. Но эта надежда так и осталась надеждой, а создание уюта продолжилось в уже в другом полушарии.

В Канаде мы сменили две квартиры, пока не купили дом. Один взгляд на их крашенные стены говорил о невозможности воссоздания уюта советского типа. Но для моей супруги слово «невозможно» не существует. Была разработана и воплощена в жизнь советско-канадская концепция навесного уюта. Покупались и вешались репродукции, полочки, вазы, искусственные цветы, картины в рамах и без рам, деревянные иконы и железные кресты. Казалось, однако, что крашенные стены отталкивали весь этот декор и мстительно торжествовали, когда все это помещалось обратно в картонки для развертывания на новом месте.

Дом, однако, требовал более серьезного отношения, так как планировался надолго, если не навсегда. Здесь пришлось задуматься над совсем новой проблемой. Ведь уют зависит еще и от распределения домашнего пространства. В советских квартирах основной принцип распределения комнат и углов был персональный. Каждый член семьи желал иметь свой личный кусок пространства. Такая квартира состояла из частично перекрывавшихся ареалов обитания. Этот принцип, который мы воспринимали как естественный и единственно возможный, накладывал отпечаток на использование и сам характер вещей, которые приобретали отчетливый характер спутников жизни отдельных членов семьи. Каждый приспособлял вещи для себя, творчески включая их в свою личную среду обитания, в которой он спал, работал, отдыхал, читал, думал, одним словом – жил.

В доме американского типа подобный подход к освоению жизненного пространства не работает. Эти дома изначально спланированы под иную модель домашности – иерархически-функциональную. Комнаты делятся по уровням интимности и по функциям, в отправлении которых семья предполагается неделимым целым. Классический английский дом, сложившийся в 18 веке, включал три уровня. Входная дверь открывалась в parlor (фойе). Эта комната видна с улицы, и на её окнах не вешают штор. С улицы должны быть видны стены, содержание которых отражает личность хозяина. Там принимали посетителей, которых не приглашают присесть: почтальонов и уличных торговцев. Из фойе дверь открывалась в гостиную. Там стояли диваны и маленькие столики. Там принимали врача, священника, адвоката, нотариуса. Туда могли подать чай. Далее следовала столовая, святая святых семейного бытия, куда приглашали только своих. Такой дом напоминал церковь с её разделением пространства на уровни божественности.

В современных домах эта классическая трехчастная схема ощущается до сих пор. Пусть фойе объединяется с гостиной, а то и со столовой, но сам принцип структурирования пространства на функциональные блоки сохраняет силу. В столовой едят, в гостиной принимают гостей, на кухне готовят, а в спальнях спят. А где же живут? Этот вопрос в нашем канадском доме так и остался без ответа. Коренные канадцы не могли взять в толк, чего же нам не хватало. Ведь общий метраж дома раза в три больше средней московской квартиры. Да используй как хочешь! Дом, однако, упрямо навязывал свою волю. В нем все было осмысленно, но ощущение личного пространства отсутствовало.

Чтобы стало понятнее, чего же мне не хватало, поведаю сагу о моем диване, который был любимым элементом второй родительской квартиры, которую я раскритиковал чуть выше. Это было монументальное сооружение начала 20 века с двумя откидными валиками. На нем можно было вытянуться в рост. На нем я спал, а утром складывал постель в валики, служившими диванными подушками повышенной комфортности, идеально сочетавшими толщину, твердость и мягкость. Днем я мог присесть почитать, опираясь локтем на подушку-валик. Утомившись сидением, я мог поднять и вытянуть ноги, разворачиваясь вдоль дивана и принимая по мере желания прилечь весь спектр положений от позы мыслителя до полного упокоения в объятиях Морфея. Это диванное счастье имело место быть в моей личной комнате, вместившей тем самым в свой крохотный объем значительную жизненную многомерность.

В Канаде диванная утопия оказалась невыполнимой. Единственное чисто личное место в доме – это спальня. Но в спальне полагается спать. В ней нет ничего, кроме кровати и гардероба. Ложиться на кровать в одежде? Широкая и плоская кровать молча противилась подобному использованию. Не для того её создавали. Диванное качество ей не подобало. Прилечь на диван в гостиной? Но американские диваны устроены так, что на них не приляжешь. Они слишком короткие и не имеют откидных валиков. На них следует сидеть. Да и не приляжешь у всех на виду ... Вот и скапливается по вечерам образцовая американская семья в гостиной, занимает места на диванах, креслах и «двойках», ставит на журнальный столик стаканы с фруктовым коктейлем и смотрит «семейный фильм»²¹. А если кому-то хочется почитать что-то свое, подумать или помечтать? Такому чудаку пожелают купить особняк, в котором найдется место для отдельной библиотеки, читальни, кабинета, бильярдной и т.п.²².

Пришлось переехать в Бельгию, чтобы найти в себе смелость поломать эту навязанную схему. Несуразно огромную гостиную нашего теперешнего дома мы отдали сыну – он в ней ЖИВЕТ. Ведь, если честно, зачем она вообще, эта гостиная? Похвалиться перед гостями её размером? Как ни странно, в основном для этого ... Столовая стала по совместительству кабинетом моей супруги, а наша спальня – моим. Именно там я сейчас пишу данные мемуары. Для проблемы распределения пространства нашлось грубое, но эффективное решение. Но многоуважаемый диван все же вспоминается с нежностью. Может когда-нибудь он мне приснится....

²¹ Family movies – это основной жанр американского кино.

²² Канадец Витольд Рибчински пишет в своей книге «Идея дома»: «Никогда еще со Средних Веков дома не предлагали так мало интимности и личного пространства своим обитателям. Даже маленьким семьям трудно жить в этих открытых интерьерах, особенно если они используют бытовую развлекательную электронику... Современному разнообразию <и личному характеру – А. О.> досуга намного лучше отвечало бы множество маленьких комнат.» Это было написано в 1987 г., но воз и ныне там – с тех пор гостиные стали еще больше и светлее. Их объединяют еще и с кухней, стремясь полностью уничтожить все перегородки на первом этаже

Рис. 7. Одинокая русалка на берегу реликтового Пинк-озера в парке Гатино

Рис. 8. Лето 2001, в одном из оттавских парков. Алекс подросток, а Филипп уже готовится к школе. В этот тихий вечер мы еще не знали, что это будет наше последнее канадское лето ...

Кому принадлежит пространство?

Пока я решал свои мелкие личные проблемы, на далекой Родине решался вопрос исторической важности – быть или не быть частной собственности на землю? В конечном счете, этот вопрос оказался мудро заболтан в разговорах и спущен на тормозах без перехода в стадию радикальных реформ, которые имеют в нашем Отечестве странное свойство всегда оказываться возмутительно неправильными. Однако, пусть это уже и не актуально, мне хотелось бы все же поделиться впечатлениями о стопроцентно реализованной частной собственности на землю, которую я наблюдал в Канаде.

В Канаде принцип раздачи земель в частные руки практиковался изначально. Еще в 19м веке новоприбывшим сразу же выдавали Н-ное количество гектаров под ферм. Я слышал цифры от 40 до 120 Га - видимо они варьировали. Собственно, этим только и можно было привлечь желающих ехать к черту на рога в страну бурых медведей и полярных снегов и строить себе избу в чистом поле из подручных средств. Таким образом, вся земля вокруг городов оказалась в частных руках. Лес вокруг Оттавы был вырублен фермерами. Для Великобритании это оказалось благом. Канада кормила метрополию хлебом во время первой мировой войны.

Сельское хозяйство в Онтарио постепенно становилось нерентабельным и сходило на нет, в значительной мере по причине долгих и суровых зим. Государство выкупило у фермеров часть земель для создания национальных парков. Поэтому в этих парках нет вековых деревьев – все эти леса молодые. Затем началось строительство автострад, для которых также выкупали землю у частных хозяев. Невыкупленная земля так и осталась у наследников канадских пионеров и является сейчас просто разновидностью недвижимости. Как же все это выглядит?

Сразу удивляет колючая проволока вдоль большей части шоссе. Она начинается сразу за обочиной и придорожной канавой. Остановиться и сходить в лесок по зову естества проблематично. Технически перелезть через колючую проволоку можно, если приспичит, но как-то не располагает. Кустарник за проволокой или тоже колючий, или покрыт толстым слоем трухи и пыли от полной нехоженности. Про себя, я называл этот феномен «лунной пылью». Люди настолько привыкли ходить по отведенным тропам, что даже в национальных парках, где, казалось бы, ходить можно везде, гуляют только по дорожкам, а пространство леса оставляют братьям нашим меньшим. За зверей можно порадоваться, но людей, не знакомых со счастьем свернуть с дорожки и зашагать куда глаза глядят, как-то жаль. Лес моего детства, покрытый сетью больших и малых дорожек, и пропитанный ими, как тело пропитано кровеносными сосудами, остался в Подмосковье.

Частными оказываются и небольшие озера, которых в Онтарио много. Частное озеро – это аналог нашего дачного поселка, который весь располагается вокруг озера одной круглой улицей. Каждая дача имеет выход к озеру, но чужакам доступа к воде нет. Впрочем, на некоторых частных озерах имеется крохотный публичный «пляж» длиной метров в двадцать. А как-то раз один знакомый

пригласил нас на пикник на частный остров, принадлежавший его другу. Для такой поездки требовалось разрешение хозяина, хотя ни охраны, ни заборов на озерном островке размером с полгектара, конечно, не было.

Такая жизнь формирует совершенно особое восприятие пространства, в которых человек вечно курсирует по отведенным ему узким коридорчикам. Пространство абсолютно структурировано. Оно разлиновано на квадратики, учтено, сосчитано и распределено. Я вдруг осознал, что у себя дома я владел не только квартирой и дачей. Весь лес, занимавший половину московской области, пусть формально приписанный к колхозам и совхозам (а может и вообще ничей, какая разница) принадлежал ежеминутно и в полном своем объеме каждому жителю Москвы и Подмосковья, а по большому счету и всей страны. Есть все же какая-то разница между владением вещами и владением пространством ...

Впрочем, в самой Оттаве с пространством совсем неплохо. Там много больших и ухоженных парков, в которых постоянно что-то организуется. Там гуляют с детьми, кормят сурков, белок и бурундуков, на что-то смотрят, кого-то слушают, случайно встречаются знакомых, греются на вечернем солнце, и просто дышат чистым как горный ручей канадским воздухом. В сентябре, когда уже не жарко, но еще не холодно, этот воздух пьянит своей резкой свежестью и каким-то особенным хрустящим вкусом. А на фоне безупречно синего неба краснеют от ночных холодов большие зубчатые листья канадских сахарных кленов...

